

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

Б. ПОЛЕВОЙ

Издательство «Правда»

1945

Б. ПОЛЕВОЙ

ОТ БЕЛГОРОДА
ДО КАРПАТ

(Из дневника военного корреспондента)

Издательство «ПРАВДА»

1945

ОТ БЕЛГОРОДА ДО КАРПАТ

(Из дневника военного корреспондента)

Перед нами на фоне голубовато мерцающих меловых холмов встал Белгород — исходная точка летнего немецкого отступления. Даже отсюда, не съезжая с дороги, можно различить несколько мощных оборонительных поясов, концентрическими полукольцами прикрывающих город. Это сильные инженерные сооружения, на которые немцы не пожалели ни средств, ни материалов.

Мы останавливаем машину и долго ходим по этим пустым укреплениям, на которых городские мальчишки, пасущие коз, играют в войну.

Внешнее кольцо белгородской вражеской обороны представляет собой цепь сильно укрепленных, взаимодействующих между собой высот с разветвленной системой огневых точек. Они имеют широкий сектор обстрела с густой сетью траншей, часто крытых и даже блиндированных, с дзотами для пулеметов и пушек, с погребками и ровиками для хранения снарядов. Подходы к этим высотам густо опутаны проволокой. Танкопроходимые места были заминированы на большую глубину, а сами высоты защищены противотанковыми рвами или ручьями с крутыми эскарпированными берегами.

Мы присаживаемся на лафете разбитой немецкой зенитки, и полковник рассказывает, как эти укрепления были взломаны.

Верные своей шаблонной тактике, немцы рассчитывали в случае краха легкого наступления отсидеться за этими укреплениями. И действительно, лобовой штурм или длительная осада этих позиций стоила бы, вероятно, огромных жертв и могла бы не дать результатов. Но командование Степного фронта противопоставило тактике немцев сталинскую тактику широкого смелого маневра, основанную на быстроте, энергии и инициативе.

Искусно выбрав момент, когда немецкие дивизии израсходовали в боях до Прохоровки свою наступательную инерцию, измотались, истекли кровью, обессилели от огромных потерь, части Степного фронта, тесно взаимодействуя со своими соседями, перешли в наступление. Могучим комбинированным ударом, в котором сочетались прославленная мощь советской артиллерии, энергия и напор пехоты, искусство летчиков-штурмовиков и пресобойная сила танковых соединений, части Степного фронта опрокинули немецкие дивизии, сразу в нескольких местах прорвали созданное немцами укрепление и в пробитую брешь устремились к Белгороду. В этом прорыве и наступлении на Белгород сказались тактическая смелость полководцев и всего офицерства, с пользой вобравшего в себя опыт этой великой войны. Наступающие, зная слабые места врага, били именно по ним, устремлялись в созданные таким путем прорывы, смело оставляя у себя за спиной блокированные или полублокированные вражеские узлы, нависали над немецкими укреплениями с флангов, атаковывали их с тыла, сводя таким образом на-нет оборонительную мощь вот этих заботливо созданных немцами рубежей. Мощные немецкие бастионы порой превращались для вражеских войск в ловушки, и часто, вместо того чтобы их оборонять, немцы принуждены были думать над тем, как из них выбраться.

Мы сходим вниз к Северному Донцу, и полковник показывает несколько разветвленных блиндированных траншей, укрепленных фортиками дотов. По тому, где рассы-

паны золотистые, уже позеленевшие от сырости гильзы, где отпечатались на земле гранатные разрывы, сразу видно, что штурмовались эти укрепления не с севера — со стороны Донца, а с юга, т. е. в спину.

Вот тут-то наглядно и сказалась слабость немецкой тактики, на которую указывал товарищ Сталин, сказавший, что «немцы становятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает «не соответствовать» тому или иному параграфу устава, требуя самостоятельного решения, не предусмотренного уставом».

Немецкие дивизии несли при отступлении огромные потери, а части Красной Армии, преследуя их, вырывали у них одно укрепление за другим, не давая им остановиться, окопаться, осесть на том или ином укрепленном узле.

Так были сломаны три линии немецких укреплений, прикрывавшие Белгород. Тогда немцы сделали отчаянную попытку удержаться в самом городе. Данные к этому были. В угловых каменных домах с метровыми, выложенными из известняка стенами мы видели замурованные окна, в которых проделаны были амбразуры. Каждая улица обстреливалась из этих своеобразных дотов. Но правифланговые наши части опередили немцев, обошли город, вырвались на коммуникации. Враг растерялся. Передовые батальоны устремились в город и коротким штурмом заняли его.

Так был освобожден Белгород, так был захвачен Белгородский район, который немцы считали «северным бастионом Украины», так части Степного фронта прорубили ворота на Украину.

С меловой кручи, высоко вознесенной над Донцом, еще раз рассматриваем белгородские укрепления. Не легко было прорубить эти ворота, но теперь они широко распахнуты, и части Степного фронта уже у Харькова.

Штаб войск Степного фронта я нахожу в Малых Проходах, в небольшой, чудом сохранившейся, утопающей в са-

дах деревушке, хатки которой сбегают широкими, прямыми, заросшими придорожной ромашкой улицами с пологого берега оврага к узенькому, журчащему в камышах ручью.

Отсюда отлично слышны громы артиллерийского боя, а вечером, когда воздух особенно чист и тих, сюда доносятся звуки пулеметных очередей. Немецкие бомбардировщики, отправляясь пиратствовать на дорогах, иногда строем на небольшой высоте проплывают над ней.

Корреспондентский корпус расположился на северной окраине этой деревушки, на тихой улочке у самых бахчей. У хаток приткнулись прикрытые сверху пучками камыша выдавшие виды корреспондентские машины — всегда самые пыльные, ветхие, измятые из всех машин, какие только приходится встречать на фронте,

Смыв с себя дорожную грязь, побрившись и приодевшись, я позвонил адъютанту командующего и через него попросил разрешения прибыть на прием к генералу армии Коневу. Адъютант ответил через минуту:

— Командующий просит вас зайти к четырнадцать ноль, ноль.

Зная генерала Конева, точность которого вошла у него в штабе в поговорку, я сверил с адъютантом часы и ровно за минуту до назначенного срока был у квартиры командующего.

Небольшая эта хатка, отличавшаяся от других разве только железной крышей, помещалась в переулке, в глубине фруктового сада, отгороженная от улицы старыми яблонями, отягощенными большими, тяжелыми наливающимися плодами. Как всегда, у Конева царил образцовый порядок. Старый мой знакомый, маленький, кудрявый и живой майор Соломахин, взглянув на часы, попросил меня минутку подождать. Из-за двери слышался знакомый, басовитый с хрипотцой, голос командующего. По-

том, когда разговор за дверью стих, майор, на миг скрывшись в кабинете, распахнул дверь: «Войдите».

Командующий радушно поднялся из-за стола и крепко пожал мою руку своей большой сильной рукой.

— Приехали? Ну, здравствуйте. Сколько мы с вами не видались? Ведь с год, с самого Ржева, что ли?

Я напомнил деревушку Холм, собственно не деревушку, а ряд огромных земляных нор, вкопанных в берег оврага на месте, где когда-то была деревушка, начисто сожженная немцами, и где тогда в трех километрах от передовой, в зоне вражеского минометного огня, командующий поместил свою оперативную группу.

— Да, помню. Тяжелые были бои, да,— подтвердил он.— Ну, а вы сейчас из-за Орла? Рассказывайте...

Но зазвонил телефон, и командующий взял трубку.

Рабочий кабинет генерала Конева — это просторная комната обычной крестьянской хаты. На стенах, в черных рамках, попеременно со старинными выгоревшими олеографиями, висели фотографии родственников хозяев. В углу старые иконы в фольговых ризах, обрамленные рушниками с затейливой вышивкой, с заткнутой за них уже посеревшей вербой. Все это осталось таким, как было у хозяев и как бы подчеркивало временность этого бивуачного жилья.

В комнате царил самый строгий порядок.

Большой стол был, как скатертью, накрыт картой-километровкой. С боку лежал телефон в кожаном футляре и другой, белый, блестящий полировкой и никелем, по которому генерал связывался с Москвой и с командармами. Тут же с правой руки лежала пачка остро отточенных карандашей, большая лупа и роговые очки,— ничего лишнего, что не нужно было бы для работы.

Два простых стула для посетителей. Деревянная полочка в углу, а на ней книги, иные пухлые, иные с закладками. Я успел различить свежие военные и толстые литературные

журналы, русско-английский словарь, толстый том генерала Драгомирова о Суворове, сборник пушкинских стихов.

Дверь налево вела в личную комнату командующего. Она была открыта, и можно было видеть его жилище, обставленное с тем же суровым солдатским аскетизмом. Узкая койка, застланная грубым шерстяным одеялом. Возле на стуле пепельница, папиросы, раскрытая книжка, в углу небольшой обеденный столик и тумбочка с радиоприемником — единственно дорогой и роскошной вещью в этом жилье генерала-солдата, известного своей суровостью, непреклонностью и требовательностью к подчиненным и прежде всего к себе.

За год командующий почти не изменился. Он все такой же высокий, плечистый, кряжистый, какой-то весь и внутренне и внешне собранный, подтянутый, неутомимо деятельный, как и тогда, во время трудного первого нашего летнего наступления под Ржевом. Его скуластое энергичное лицо северянина загорело и обветрено. Узкие серые глаза смотрят умно, пронизательно и твердо, а хриловатый басок так же властен и нетерпелив. Только вот разве седины в светлых и мягких волосах да морщинки вокруг глаз прибавил этот трудный военный год.

Он положил трубку и остро отточенным карандашом отметил на карте изменение линии фронта.

И просто, живо и образно рассказал о наступлении у Белгорода; отдельными, характерными штрихами показал развитие операции. Говорит он короткими фразами, и часто они звучат, как военный афоризм: «Неожиданность — половина удачи». «Рубить так с плеча». Рассказывая о новой, решающей фазе харьковской операции, он сказал: «Сейчас мы их в городе взяли за горло и душим так, что они хрипят». Он показал на карте, как схватили Харьков в широкие клещи наши войска, наступающие теперь на город с севера и юга. Каждый день сжимаются эти клещи, и сейчас остались у немцев только пути на Мерепу и Люботин находящиеся под обстрелом нашей артиллерии. Это

действительно походило на богатырские пальцы, сжимавшие горло. Немцы бешено контратаковали сейчас, стараясь разжать эти пальцы. Контратаковали и задыхались.

Командующий прервал беседу.

— Соломахин, — крикнул он адъютанту, — приготовить карту и виллисы. Мы сейчас едем.

Заканчивал беседу он, уже собираясь в дорогу.

— Сейчас война идет сложная. Все роды войск взаимодействуют в каждой операции. Война моторов, война широкого быстрого маневра. В ней надо разбираться, вдумываться в нее надо, — говорил он, влезая в зелёный дорожный комбинезон. — Тут один ваш собрат написал накануне об одном бое, — дескать, правый фланг наступал справа, левый заходил слева, а фронтальная группа била в лоб. Тошно читать. Военный корреспондент на войне должен быть военным, а не штатским созерцателем вроде Пьера Безухова. Нужно думать больше, постигать смысл происходящего. Сейчас на звонкой фразе да на тактических терминах далеко не уедешь.

Командующий надел фуражку.

— Ну, желаю успеха.

Под окном уже ревели и фыркали заведённые моторы виллисов.

Когда я шел по улице, мимо стремительно, на бешеной скорости, пронеслись две машины. Командующий ехал туда, где враг, задыхаясь, пытался разжать клещи и где решалась судьба Харькова.

Вечером старый подполковник Вилюга рассказал мне, что положение под Харьковом острое. Верный последователь сталинской маневренной тактики, командующий решил брать Харьков обходным маневром. Город обложен с трех сторон. У немцев осталась небольшая отдушина, но сейчас они бросили сюда несколько танковых

дивизий с усиленными артиллерийскими полками и частыми непрерывными ударами долбят наши головные части, составляющие острие клещей, а немецкая авиация непрерывно бомбит наши боевые порядки. Это как раз тот участок, на который выехал Конев.

Меня вызывают к телефону. Вилюга предупреждает:

— Торопись, пора ехать.

Это значит, что битва за Харьков достигла своей кульминации, и исход ее решится в ближайшие часы. Выбравшись на большак по асфальтированному шоссе Москва — Харьков, потушив фары, осторожно едем мы в сгушающихся сумерках. Чем темнее становится, тем ярче разгорается гигантское багровое зарево.

Не доехав нескольких километров до города, сворачиваем на боковую дорожку. Извиваясь в кустах, она приводит машину на кладбище. Здесь, в непосредственной близости от передовых, наблюдательный пункт командира дивизии, которая сейчас ближе всех подошла к Харькову. Всю ночь мы сидим здесь у могил, слушая нарастающий шум боя и наблюдая сквозь резные листья акаций, как пылает подоженный немцами огромный город. Наши батареи стоят где-то сзади. Снаряды со свистящим шелестом летят над нами. Все внимание поглощено пылающим городом и нарастающими звуками боя, которые, как кажется, начали постепенно удаляться.

Иногда из гремящей тьмы улиц выскакивает мотоциклист. Он спрыгивает со своей машины, подбегает к генералу и протягивает пакет с донесениями от наступающих полков. Начальник штаба, разложивший свои карты на большой мраморной могильной плите, красным карандашом заштриховывает отвоеванные у немцев кварталы и улицы на плане города. По карте видно, как разворачивались события харьковской операции, генерал коротко объяснял:

— Немцам не удалось разжать наши клещи. Днем мы еще больше сдвинули их. Видите, здесь они почти смыкаются. Последняя дорога под минометным обстрелом. У

них два выхода — уходить или драться в окружении. Они пытаются уходить. Сейчас получен приказ командующего штурмовать город с трех сторон. Мы штурмуем с севера и, надеюсь, первыми войдем в город.

Ночь медленно тянется в сплошном грохоте канонады, багровая от зарева, пронзенная огнями вспышек. Начинает светать. Зарево меркнет и теряет свои зловещие тона. Становится виден огромный город, окутанный черным дымом пожарищ. Город горит в десятках мест. Отсюда, с холма, отлично видно, как вдруг взметываются вверх целые смерчи кирпичной пыли, и рушится, рассыпаясь, какой-нибудь дом. Отступая, немцы жгут и взрывают.

Не терпится, хочется скорее туда, в Харьков. Но генерал не пускает: рано. Наконец, когда начальник штаба заштриховал на своей карте городской центр и бой перешел на южную окраину, генерал говорит:

— Ну, теперь можно. В добрый путь. Желаю удачи. Осторожнее только.

Мы едем в колонне машин мотопехоты, которая устремляется к Холодной горе, где сейчас идет бой. Снаряды еще рвутся на улицах пустого города. Видно, как наши бомбардировщики плотным строем несколькими волнами проходят через город и пикируют на немецкие артиллерийские позиции на холме. Обстрел почти прекращается. Авиация, должно быть, накрыла батареи, бившие по городу.

Петрович, с которым мы въезжаем уже в двенадцатый освобожденный город, дает полный газ. Мы обгоняем военные грузовики, колонны пехотинцев, пушки, танки и въезжаем в Харьков.

Прямо из города подъезжаем к дому командующего.

Иван Степанович Конев поднимается, как всегда спокойно, из-за развернутой карты. На нем серая замшевая домашняя куртка, но и в ней он выглядит подтянутым, собранным. Я знаю, что последние ночи он совсем не

спал — то объезжал наступающие части, то работал у себя, вызывая людей, соединяясь с частями по телефону. Но это на нем почти не отразилось. Он еще более сдержан, чем обычно, и только темные круги под глазами говорят о бессонных ночах.

Перед ним несколько листов с проектом приказа частям. Сейчас он сам пишет приказ короткими, как и его речь, скупыми солдатскими фразами.

— Ну, как там, что? Рассказывайте! — спрашивает он. А потом, слушая рассказ, задумывается, углубляется в свои мысли и, отвечая на них, говорит:

— Да, все-таки заняли... И нелегко это досталось, учтите, товарищи журналисты.

СЕНТЯБРЬ

Как и всегда после большой операции, у нас наступила некоторая пауза, необходимая для отдыха и передвижения частей. Линия фронта, отброшенная от Харькова, остановилась южнее него, близ железнодорожной линии Любелепа — Мерефа, и опирается теперь о речку Мжа.

Наш друг подполковник Вилюга встречал являвшихся на прессконференцию журналистов неизменным заявлением: «Ну, сегодня, товарищи, я ничем вас порадовать не могу, — и добавлял в утешение: — Ничего, дайте срок...»

Штаб фронта переехал теперь в поселок Южный — небольшое, очень красивое лачное местечко под самым Харьковом.

«Тяжелые бои. Тяжелые бои. Тяжелые бои», — вот слова, которыми нас каждое утро встречает в последние дни подполковник Вилюга.

Впрочем, мы и сами это знаем, так как южный ветер вместе с сытым запахом спеющей в полях кукурузы все время доносит до нас глухой, отдаленный и непрерывный гул артиллерийского боя, происходящего на Мжинском рубеже.

Сегодня после семидневных боев Мжинский рубеж был, наконец, прорван. Мы были свидетелями и очевидцами великолепного артиллерийского удара, нанесенного Коневым немецким войскам.

На рассвете, когда западный порывистый ветер нес по полям и бросал нам в лицо мелкую, холодную водяную пыль, мы — группа журналистов — тихо пробрались по изрытым снарядами балкам на наблюдательный пункт командира пехотного полка, помещавшийся в огромной и полуразбитой силосной башне. Силоса в ней уже давно не было, но отвратительный запах гнилой прели сохранился и был так густ, что от него кружилась голова. Зато башня эта находилась на горке в полутора километрах от немецких окопов, и из ее развалин можно было отлично наблюдать даже простым глазом то, что сейчас у нас в армии называют артиллерийским наступлением.

Артиллерийскому удару на Мже предшествовала большая и тщательная работа артиллерийских разведчиков, от которой в конечном счете зависит успех артиллерийского наступления. Разведчики — уши и глаза артиллерии, в тесном содружестве с топографами — людьми, умеющими читать карту, как книгу, быстро изучили передний край немцев и плацдарм будущего наступления.

Хорошая разведка помогла общевойсковым начальникам, совместно с пехотными, артиллерийскими, танковыми офицерами, правильно спланировать прорыв вражеской оборонительной полосы, а артиллеристам, в тесном взаимодействии с представителями других родов оружия, разработать планы артиллерийского наступления.

Опыт войны говорил, что немцы, при артиллерийской обработке их заднего края, уходили по траншеям в глубину своих позиций, не отвечали на наш огонь, а когда наша пехота и танки начинали атаку, возвращались на прежние места, и смолкшие огневые точки оживали. В этой операции артиллерийский удар по немецкой обороне был поэтому рассчитан так, чтобы разрушить ее

сразу на всю глубину. Он наносился одновременно в нескольких местах, чтобы немцы не угадали направления главного удара.

Артиллерийское наступление началось внезапным огненным налетом в час, когда немцы меньше всего могли его ожидать. Заговорило сразу больше тысячи стволов всех калибров от противотанковых пушек до жабобразных орудий большой мощности, от ротных минометов до «Катюши» и «Иван Ивансвичей». Затем слово взяла артиллерия крупных калибров, которая, действуя с закрытых позиций, начала разрушать заранее разведанные дзоты, блиндажи, пулеметные гнезда, блиндированные позиции, артиллерийские и минометные батареи, начала прочесывать лощинки, овраги, опушки леса, накрывая немцев всюду, где только они могли сосредотачиваться.

Это продолжалось около полутора часов.

Гром орудий сливался в один сплошной гул. Огневой смерч, не затухая ни на секунду, гулял над вражескими позициями, и столбы разрывов гигантским бурным лесом, покачиваясь, стояли над немецкими укреплениями. Снова заговорили все калибры пушек и минометов, напряжение огня стало нарастать, и в эту минуту пехота, покидая свои исходные рубежи, пошла в атаку, прикрывая сверху грохочущим куполом артиллерийского вала.

По мере того как передовые цепи штурмовых батальонов, перепрыгивая через воронки в перепаханых, в буквальном смысле слова, немецких укреплениях, приближались к вражеским позициям, стена нашего огня, стоявшая перед ними, стала медленно отползать за Мжу, к холму, постепенно очищая для пехоты сначала передполье, потом первые, вторые, третьи траншеи.

Затем действие артиллерии опять расщепилось. В то время как крупные калибры продолжали вести отсечный огонь, не подпуская немецкие подкрепления к траншеям, в которых наши пехотинцы уже завязали рукопашный бой с остатками немецкого гарнизона,— полковые артил-

леристы уже выкатили свои пушки из штурмовых ровиков на открытые позиции и тянули их вперед с пехотой. Действуя в плечевом взаимодействии с пехотинцами, артиллеристы приостанавливали свое продвижение вперед только для того, чтобы сходу прямой наводкой подавить вражеский дзот, под развалинами которого начинали приходиться в себя оглушенные немецкие пулеметчики.

В одном месте на дороге мы видели, как артиллеристы покатали свою пушку впереди залегших пехотных цепей, и командир пехотного полка с восхищением отозвался об артиллеристах:

— Черти! Им к пушкам только штыки осталось приделать — и хоть в атаку иди.

Это восхищение пехотного командира, который, судя по трем ленточкам за ранения и четырем орденам, был боевым, заслуженным командиром, артиллеристы действительно заслужили. Когда в пробитые артиллерией ворота к полудню вслед за пехотой устремились танки, центр боя сразу на несколько километров отодвинулся на юг. Мы осмотрели то, что можно назвать воротами прорыва. Такой, вероятно, бывает местность после сильного землетрясения. Даже узкая Мжа местами изменила свое русло, обходя огромное нагромождение земли и дерева.

Вечером мы, полные впечатлений, строчили статьи об артиллерийском наступлении. Сегодня еще раз с полным блеском оправдала себя тактика нашего командования: собирать артиллерию в гигантские кулаки на главном направлении у точек наиболее яростного сопротивления и наносить здесь немцам удары такой внезапности и силы, чтобы те долго не могли придти в себя.

Наступление, возобновившееся прорывом у Мжи, развивается с нарастающей силой. Вчера мы долго сидели с Вилюгой над оперативной картой. После прорыва немцы откатились к югу на восемнадцать, а на некоторых уча-

стках и до двадцати километров. Но сейчас в их отступающие, обескровленные части влились подведенные из тыла маршевые батальоны, и они снова предприняли отчаянные попытки удержаться.

Теперь, после потери Мжинского рубежа, у них до самой Ворсклы нет сплошных укрепленных линий. Но сопротивление их не стало менее яростным. Они только изменили тактику. Они пытаются теперь цепляться за отдельные населенные пункты, быстро приспособивая их к круговой обороне. Эти пункты они называют в своих приказах «нус», т. е. орех, и эти самые орехи они выставляют как основные препятствия на пути нашего продвижения. На расстоянии пятнадцати километров мы насчитали с Вилюгой девятнадцать таких «орехов».

— Мы эти орешки научились ловко разгрызать и зубы при этом не ломаем, — шутит подполковник. — Если хочешь посмотреть новый характер боев, то поезжай на правый фланг. Разведчики сулят, что вот с этим «орешком» придется повозиться. А дивизия тут действует гвардейская, боевая, будет что поглядеть.

Острием красного карандаша он указал на черную точку, стоящую в центре как бы сходящихся спиралей, обозначающих высотный характер местности. Под точкой значилось «Клещевка» и цифра 114, отмечающая высоту.

К вечеру мы подъехали к железнодорожной будке, где помещался штаб полка. Командир гвардии подполковник Селеверстов, небольшого роста краснолицый человек, познакомил меня с командиром второго батальона гвардии капитаном Сорокиным, отрекомендовав его большим специалистом по разгрызанию «орехов». Капитан был полной противоположностью своего начальника. Он был высок, очень строен, бледен с лица, и тенорок был у него такой звучный и приятный, что, казалось, он вот-вот запоеет арию Ленского. Но арии он не запел, а в деловых армейских фразах пояснил, что Клещевка — самый силь-

ный укрепленный узел, что уже третий день топчется возле него соседний полк, но сегодня ночью, он надеется ее взять. Бой ожидался серьезный.

Когда совершенно стемнело, мы поползли с капитаном по руслу высохшего ручья, а потом поднялись на высокий берег оврага, охватывавшего полукольцом небольшую украинскую деревню Клещевка. При свете ущербленной луны отсюда, с крутого косогора, можно было без труда различить белые пятна хат, утопавших в садах, деревенскую площадь, шпиль колокольни, изгрызанное снарядами приземистое здание двухэтажной школы. Минутами все это почти исчезало в серебристой мгле, то вдруг резко выступало из нее в белесом судорожном мерцании немецких ракет. До деревеньки, должно быть, не было и километра. Там были немцы. Их посты и пулеметные гнезда, выброшенные вперед, находились где-то совсем недалеко, и поэтому капитан говорил шопотом:

— Прошлой ночью из деревни приходили два старика. Они подтвердили сообщение разведчиков. С деревней придется повозиться. Когда мы еще Харьков брали, немцы ее принялись укреплять. В излучине оврага окопы полного профиля. Перед ними проволока в три кола, а около деревенской околицы дзоты с пулеметами — всего пять. Овраг и ручей минированы. Словом, «орешек» крупный, что и говорить.

Капитан достал папироску, покрутил в пальцах, понюхал табак и, вздохнув, убрал обратно в портсигар. Курить было нельзя.

— Ничего, возьмем! — снова послышался его возбужденный шопот.

Мы отползли назад, туда, где в лощине, в густых кустах, прямо на земле на разостланных плащ-палатках, под украинским, с крупными звездами небом располагался штаб батальона. Капитан в двух словах изложил офицерам свой план штурма. В прошлом — учитель математики, он в военное дело вносил свойственную мате-

матику точность. Пульвзводу окопаться на косогоре и по сигналу открыть огонь. Бить в лоб туда, откуда немцы ждут удара. Пулеметчики должны приковать к себе внимание немецкого гарнизона. Ротам, под командованием старших лейтенантов Капустина и Фролова, охватить деревню справа и слева, молча, по возможности незаметно, форсировать овраг, по кустам подобраться к деревне, а когда гарнизон втянется в схватку с пулеметчиками, атаковать ее с фланга. Взвод автоматчиков, под командованием гвардии младшего лейтенанта Ивана Щегла, идет в обход, в тыл к немцам, и делает засаду на дороге, по которой немцы должны отступить.

Судя по тону, каким капитан отдавал приказания Щеглу, мы подумали, что этот быстрый черноглазый юноша, который, как мы узнали потом, до войны учился в московской Консерватории и готовился стать скрипачом, вероятно, является любимцем батальона.

— Чтобы ни одна мышь из этой мышеловки не вышла. Слышите, Щегол? Головой отвечаете. Ну, ступай! — И капитан вдруг обнял и по-братски поцеловал вытянувшегося перед ним молодого офицера.

Мы опять ползем на косогор, где саперы уже выкопали глубокие траншеи для наблюдательного пункта. Ветерок стал холоднее, тянет предутренней свежестью, и по ложщине, цепляясь за заросли кукурузы, медленно ползет седой клочковатый туман. Капитан нервно смотрит на часы и начинает жевать незажженную папироску.

— Сейчас начнется, — глухо говорит он.

Проходит несколько томительных минут, и вдруг над леском взвивается красная ракета, и весь косогор под целым каскадом звуков ошестинивается дрожащими огнями работающих пулеметов. Лежа на земле, не двигаясь с места, из своих земляных гнезд пулеметчики начинают кричать «ура». Капитан усмехается. Молодцы! «Ура», прорываясь сквозь тарактения выстрелов, звучит внушительно.

Десятки ракет прокалывают небо и как бы приподы-

мают тьму над деревней. Почти светло. В это мгновение все немецкие пулеметы, минометы, автоматы обрушивают свой огонь на пустой косогор, где несколько пулеметчиков, сидя в безопасных щелях, стреляют и кричат «ура». Откуда-то из глубины начинает бить немецкая батарея. Снаряды перелетают через нас и рвутся позади в пустом поле.

— Ага! Ключули голубчики! — не выпуская папиросу из стиснутых зубов, говорит капитан, нетерпеливо смотря в тьму, туда, где в это время без выстрела, без звука должны подползать к деревне роты Капустина и Фролова. Перестрелка разгорается. Неистовствует вся немецкая система. От пороховой гари солоно во рту.

Вдруг выстрелы и «ура» раздаются где-то в глубине деревни, слева.

— Молодцы! Ух, Капустин! — кричит капитан, нетерпеливо выпрыгивая из окопчика. — Где же Фролов? Где Фролов, куда он, дьявол, делся? Связной! Немедленно к гвардии старшему лейтенанту Фролову... Нет... отставить! Пошел, слышите? Ну, ладно. Теперь пойдут дела.

Выстрелы слышатся справа и слева, чуть позади Клещевки. Должно быть, пулеметчики уже укрепились в крайних хатах и поливают немцев, сидящих на укреплениях, откуда-то сзади.

Немецкий огонь с укреплений еще слышен, но звучит уже беспорядочно и понемногу стихает. Стрельба начинает доноситься из глубины деревни. Почему? Ясно, что немцы могли еще долго сопротивляться. Ведь Клещевка приспособлена к круговой обороне. Объяснение одно: наши взяли деревню в полуклещи, а после Сталинграда немец боится выстрелов за спиной больше всего на свете.

Хорошо рассчитал математик. Где он? Его тенор слышится откуда-то с самого косогора. Крики «ура» точно скатываются в ложину. Пошла на штурм рота, стоявшая в резерве.

Из тьмы выныривает комбат. Он садится на бруствере

окопчика и вытирает лицо, лоб и шею рукавом гимнастерки. Глаза его горят настоящим вдохновением.

— Слышите, слышите за деревней? Ай да Щегол! Перехватывает! Вот те и скрипач, славно играет!

Капитан ушел. Шум боя в деревне стих. Светает. Откуда-то из-за кустов появляется усатая физиономия ординарца капитана. Я слышу, как он спрашивает телефониста:

— Которые корреспонденты? Эти?

Потом, вытянувшись и щелкнув каблуками, с той самой выправкой, по которой безошибочно угадывается старый солдат, он докладывает, что гвардии капитан просит корреспондентов пожаловать вниз в деревню. Мы осторожно сходим с косогора. Впереди идет сапер с фонариком и показывает дорожку, очищенную от мин.

Пред нами окопы, вырытые с немецкой старательностью, как говорится, по ниточке, развороченный блиндаж с торчащими во все стороны бревнами и несколько совершенно целых дзотов. Рваная проволока, добротная, хотя явно скороспелая работа. Все это немцам не пригодилось. Смелость и мастерство молодого русского офицера, бывшего учителя математики, превратили эти заботливо созданные укрепления в ловушку для немецких войск.

Входим в чистенькую хатку, возле которой стоит часовая. В комнате уже установлен телефон, и гвардии капитан, стоя у окна, приятным тенорком докладывает, очевидно, командиру дивизии:

— Точно так, товарищ подполковник. Наша. Ну да, я говорю из самой Клецевки. Быстро? Всю ночь бились, крепкий «орешек» был. Трофеи выясняют. Пока обнаружили шесть пулеметов, почти исправных, минометная батарея, ну кое-что по мелочи. Убитых? Разведнееется, посчитаем...

Тем временем хозяйка накрывает стол. Скатерть в рыжих подтеках и пахнет сыростью. Хозяйка извиняется: вот зарывали в землю, прятали от немцев. Но кто из нас

обращает внимание на скатерти. За неимением других, более подходящих к торжественному случаю напитков пьем из глиняных кружек жгучий, крепкий, отдающий запахом гари бураковый самогон. Всем становится очень весело, особенно после того, как в хате появляется благообразный старец, который торжественно преподносит гвардии капитану, по местному обычаю, круглый каравай хлеба и деревянную солоницу с солью. Старик садится с нами за стол, чинно пьет, всякий раз вытирая ладонью усы, и, прислушиваясь к недалекой канонаде, все спрашивает: — А вин ни взвернется?

После завтрака капитан настойчиво советует нам, готям, отдохнуть после бессонной ночи. Хозяйка стелет нам на печи, на свежей, пахнущей хлебом яровой соломе. Как хорошо, расстегнув ремни и сняв отсыревшие сапоги, растянуться во весь рост. Но сна нет. Слишком много впечатлений, и как-то вдруг становится ясным, что разгрызание клещевского «орешка» — это харьковская операция в миниатюре.

Тот же отказ от лобового штурма укреплений, тот же маневренный обход, удар по флангам, клещи, охватывающие и обороняющие гарнизон, упрямое сдвигание этих клещей. Гвардии капитан Сорокин разгрызал клещевский «орешек» тем же маневром, каким генерал армии Конев три недели назад брал вторую столицу Украины. Идея охвата и маневра дошла до батальона. Вот он стиль этого нашего нового наступления!

Вечером с лейтенантом Щеглом мы пошли на окраину деревеньки, где в лощине у развалин скотного двора, у костров сидели автоматчики его взвода. Подошли к крайнему костру. Три автоматчика и среди них широколицый гигант, настолько большой, что на него даже трудно было подобрать по росту обмундирование, при нашем приближении вскочили и вытянулись.

— Сидите, сидите,— сказал лейтенант и, показав на гиганта, прибавил: — А вот Василий Гнатенко, о котором я вам говорил. Познакомьтесь.

Гнатенко широко и простодушно улыбался и крепко потряхнул мне руку так, что слиплись пальцы, а потом напомнил командиру:

— Товарищ старший лейтенант, вы уже отпуск-то мне обещанный дайте по случаю вызволения родного моего хутора Лиховидовки.

— Дам, дам, на десять дней отпущу, я с комбатом уже договорился. Только ведь еще за хутор-то биться надо,— сказал лейтенант и, повернувшись, пошел в темноту, сопровождаемый доброжелательными взглядами своих бойцов.

Перед рассветом атаковали хутор, и после короткого, хотя и жестокого, боя выбили оттуда немцев и погнали их дальше по дороге к Ворскле, не давая им остановиться. Лейтенант Щегол рассказал мне потом, что в бою за родной хутор Василь Гнатенко превзошел себя и представлен за это к награде. За несколько минут до атаки он без шума заполз по бурьяну на вражеские позиции, руками передувшил немецкий пулеметный расчет, повернул пулемет в обратную сторону и, когда началась атака, бил по немцам из их же пулемета, а потом, когда рота, продолжая наступать, втянулась в деревню, схватил пулемет с боеприпасами, оврагом пробежал на другой конец деревни, установил пулемет у дороги, по которой бежали немцы, и начал строчить по бегущим. Трех взял в плен.

Так оно и было. Но когда уже днем я встретил Гнатенко на улице только что отвоеванного хутора, он не походил на человека, совершившего несколько часов назад воинский подвиг. Он брел спотыкаясь, глядя перед собой невидящими, тоскующими глазами. Мы окликнули его. Он молча обвел рукой вокруг себя. Мы стояли на сельской площади, в самом центре совершенно сожженного немцами хутора.

Для Василия Гнатенко это был не просто освобожденный пункт.

— А семья? Что с семьей? — спросил я его.

Он только горько махнул рукой...

Он нашел жену свою Пелагею с дочерью Аней в яме на огородах. Она провожала его молодой жизнерадостной женщиной, в расцвете сил. Сейчас перед ним была старуха. От горя она даже не поздоровалась с мужем. Взяв на руки дочь Аню, она повела мужа в сад, и он, много раз видевший смерть в лицо, пошатнулся. На земле лежал труп его дочери Лизы — девочки четырнадцати лет. Жена продолжала молчать. Но соседи рассказали историю гибели дочери. Еще вчера немецкий офицер, перед отступлением, пьянствовал в его хате. Напившись, он потребовал у денщика женщину. Денщик вырвал из ямы, где скрывалась семья Гнатенко, Лизу и втокнул ее в хату к пьяному офицеру. Соседки слышали, как Лиза кричала и звала на помощь. Отбиваясь, она укусила офицера. Он застрелил девочку, приказал выбросить труп на двор, полить бензином и сжечь. В соседней яме скрывалась семья крестьян Решетниковых. Две девочки Решетниковы — пятилетняя Тоня и шестилетняя Светлана — вылезли из ямы и, увидев пылающую Лизу, начали кричать и плакать. Немец-денщик схватил малюток и бросил их в полыхавший среди двора бензиновый костер.

— Ироды, — скрипя зубами и сжимая огромные волосатые кулаки, хрипел Гнатенко. — Ну, погоди, ироды!

Когда мы зашли проститься к Ивану Щеглу, он сказал, что у него только что был Гнатенко. Солдат просил прервать его отпуск, сказал, что не надо отпуска, пока немец ходит по украинской земле.

Сегодняшний день начался шумно. Рано утром, когда еще все спали, в дом влетел исчезающий куда-то фотокор-

респондент Рюмкин и принялся энергично расталкивать своего шофера Костю, самого невозмутимого и медлительного шофера на свете.

— На аэродром! Быстро! — командовал Яша, пока его водитель продирает глаза.

— Красноград наш, — объявил он во всеуслышание. Признаться, я принял эту новость критически. Я знал Красноград как важный немецкий форпост на левобережной Украине, как мощный укрепленный узел, прикрывающий Ворсклу, я знал Красноград как сплетение четырех железных и семи грунтовых магистралей, лишение которого сразу бы сковало немцев и ухудшило бы положение всех их армий, находящихся в этом районе.

Только вчера офицер разведки, со слов пленных и перебежчиков, говорил о сильных немецких укреплениях, воздвигнутых на подступах и окраинах города. Наконец всего несколько дней назад мы были на Мже в шестидесяти пяти километрах от Краснограда.

Но вот во весь опор несемся по отполированным шинами наступающих моточастей степным гредерам и с хода въезжаем в Красноград. Он пуст и объят пламенем. Целы немецкие указатели, валяются на мостовой вражеские трупы. На улицах не видно еще даже саперов с собаками и щупами, — первый признак того, что город только что занят. Наступающие части, преследуя врага, проскочили через Красноград, не оставив в нем даже регулировщиков.

На запрещенной скорости проносимся и мы по улицам Краснограда.

Несемся на север. Солнце, склонившееся к закату, застывает на миг на горизонте за темными кисточками пирамидальных тополей. Оно тускло и красно из-за пыли, стоящей над степью. По всем дорогам на юг и на юго-запад движутся непрерывные потоки войск, техники, грузов, и степь провожает наступающих серой пылью, от которой

першит и саднит в горле, скрипит на зубах и все время хочется пить.

На минуту заезжаем домой. В садике стоит незнакомая машина, пыльная и грязная, как все корреспондентские машины. А в комнате меня встречает русоволосый, широкоплечий, сероглазый гигант — военный корреспондент Союзрадио, мой старый боевой товарищ майор Павел Кованов.

Давно ли мы слушали гром артиллерийской музыки на Мжинском рубеже? А вчера мы чуть было не опоздали ко взятию Полтавы, находящейся более чем в ста двадцати километрах от Мжи за ширской и полноводной рекой Ворсклой.

Вчера бескрайные луга и поля Полтавщины и сам этот знаменитый старинный украинский город — немые очевидцы былой русской воинской славы — стали свидетелями новой исторической битвы. Полтава взята. Путь к Днепру открыт. Прав Павел, говоря, что на наших глазах творится история. Поэтому следует подробнее описать события последних дней.

После Мжи немцы несколько раз пробовали остановиться и упереться, используя для этого бесчисленные «орешки» и серьезные рубежи на реке Ольховатке, по руслам ручьев Мерчик, Орель и других. Они пытались если не остановить, то хотя бы измотать части нашего фронта, замедлить их стремительный прыжок в долину Ворсклы. Но это им не удалось. Мы наступали быстро, неудержимо. Следя за развитием сражения на полтавском плацдарме, характерного чрезвычайной смелостью стратегических ходов, молниеносностью группирования, быстрым маневром, стремительностью наступления, большим напряжением и быстротечностью боев, мы все время видели, что линия фронта отодвигалась на запад не равномерно, а подчас острыми клиньями. Чтобы не дать немцам остано-

виться, задержаться, вцепиться в землю, подвижные части Красной Армии, как кинжалы, вонзались в немецкие расположения, смело двигались дальше в глубину отступающих немецких частей, отсекая им пути отхода.

Затемно, притушив фары, мы подъезжали к северному пригороду Полтавы. Бой был в самом разгаре. У города огонь обеих сторон так жесток, что мы, прежде чем двигаться дальше, решили заехать на командный пункт атаковавшей Полтаву гвардейской дивизии. В землянке, врытой в песчаный холм, начальник оперативного отдела, бледный и сердитый майор с красными от бессонницы глазами, коротко рассказал об обстановке. Его дивизия, захватив восточный пригород Полтавы, прорвалась к реке и завязала бой за переправу. Правый и левый соседи, переправившись уже через Ворсклу южнее и севернее города, ринулись дальше и сейчас зажимают город в клещи.

Немцы сопротивляются. Их батареи засыпают снарядами подступы к переправам, а танковые группы, непрерывно бросаясь в новые и новые атаки, стараются отбить концы прогнянувших через Ворсклу клещей. Не договорив, майор опустил голову на карту и через мгновение уже спал, не успев ответить на наши вопросы. Мы вышли из землянки. Ночь была на исходе, и тьма дрожала в мерцающих огнях ракет и орудийных вспышках. И вдруг, в этой ночи повеяло чем-то родным, близким, напоминающим детство. Не сразу понял я, откуда взялось это ощущение, но, вдохнув поглубже влажный предутренний воздух, догадался: сосны.

Я сел на песчаный бурун, и сейчас же два голоса, доносившиеся из ночной тьмы, привлекли внимание. Один убеждал взволнованно:

— А, ей-богу, товарищ майор, он, Конев... Провалиться мне вот здесь, Конев! Я его вот так, как вас, видел. Как только он пришел к нам на батарею, сразу и заметил — высокий, прочный такой, в плаще, а за ним автоматчики. Ну, думаю, не иначе генерал — большое начальство.

И, как полагается, рубаю: так и так, батарея легких минометов под командованием старшего сержанта Кулакова ведет огонь по позициям противника. Убит командир батареи лейтенант Севушкин и трое бойцов, ранено — четыре, отправили в тыл. Принял командование на себя. Но он спросил, где цель, как противник. Я ему все выкладываю по порядку. Он говорит: молодец, Кулаков, спасибо за службу... Вот, ей-богу, так и сказал: спасибо за службу. А немец тем временем по нашему холмику опять снарядами плевать зачал. Рвутся они, а он, Конев-то, и глазом не ведет. Генерал один, все ему: товарищ командующий, товарищ командующий, пойдемте, так и так, тут, дескать, не безопасно. А он их без внимания, спрашивает меня: давно ли служу, воевал ли в империалистическую. Тут снарядишко один возле хлопнул, песком по нем полыхнуло. Ну, говорит он мне, прощай, солдат,— и руку подал,— смотри, говорит, стреляй лучше. Я, что ж, рад, говорю, стараться. Ну, он и ушел. И заметил я—с лица спокойный. Шаг ровный такой, словно бы по улице гулял...

— А откуда ты знаешь, что это Конев? — с сомнением спросил другой голос.

— А когда они уходили, один майор с ним был, маленький такой, кучерявый. Подошел мою фамилию записать, спрашиваю его: кто они, дескать будут-то, товарищ майор? А он говорит: чудак-солдат, не видишь, сам командующий фронтом, товарищ Конев.

Опять мы слышим днем и ночью близкий орудийный гром.

Генерал армии перенес свой командный пункт далеко за Полтаву, в поселок Решетиловку. Поселок славился до войны на всю страну, даже на весь мир, знаменитыми решетиловскими вышивками. Это своеобразный, слагавшийся веками украинский Палех, известный еще во времена Богдана Хмельницкого. Искусство тончайшей вы-

шивки, подбора цветных ниток и составления красок, которыми эти нитки окрашивались, передавалось из поколения в поколение, шло от прабабок к правнучкам, совершенствуясь и оттачиваясь в веках.

Мы живем в маленькой беленькой хатке, в крохотной, напоминающей шкатулку, комнатке, стены которой украшены старинными рушниками, салфеточками, на которых искусная рука вывела нитками цветы и травы неувядающей красоты. Все это при немцах лежало зарытое в земле, под печкой, все это наша гостеприимная хозяйка, бабка Ганна, с нашим приходом извлекла и развесила на стенах.

Я решил записать несколько случаев беспримерного женского героизма, сопровождавшего нашу Красную Армию.

Жительница города Люботина — домашняя хозяйка, Вера Васильевна Сахно, работая вечером у себя на огороде, стала свидетельницей неравного воздушного боя. Увлечшись преследованием удиравших бомбардировщиков, какой-то наш ястребок залетел далеко на занятую тогда немцами территорию. Его перехватили три немецких «Мессершмитта». Он принял бой и отважно дрался один против троих, сам нападая на врага. Вера Васильевна с замирающим сердцем наблюдала бой. Уже один немец был сбит и факелом полетел к земле. Но вдруг и ястребок задымился, резко отвалил вправо, бессильно полетел к земле, оставляя за собой дымный след. От него отделилась маленькая черная точка, над ней возникло дымчатое облачко, оно превратилось в зонт, и летчик, качаясь на стропах, стал медленно опускаться на самые крыши домов занятого немцами города. Едва не задев ногами за деревья, он приземлился возле Веры Васильевны и, неподвижный, упал на грядки.

Женщина знала, что с земли сотни дружественных и сотни вражеских глаз следили за приземлением советского летчика, что, несомненно, немцы видали, где он упал, знала, что это вызовет усиленные поиски, что они пере-

вернут все вверх дном, лишь бы его найти. Знала она и то, что за сокрытие русских военных людей немцы карают смертной казнью укрывшего и арестовывают всю его семью. Все это Вера Васильевна отлично знала, но все это ей и в голову не пришло в момент, когда советский летчик лейтенант Киреев, тяжело раненный и обожженный, неподвижно лежал перед ней на грядках. Забыв об опасности, она старалась привести его в чувство и думала только о том, как бы его укрыть, как спасти от вражеской мести. В такие минуты даже слабые неопытные люди становятся сильными и сообразительными. На руках бережно перенесла она раненого летчика в сарайчик на огороде, уложила его на свежем сене, укрыла, заставила досками, собрала и сожгла его парашют, затоптала следы, и когда мотоциклы немецких жандармов затрещали у ее дома, она была уже в кухне и, как ни в чем не бывало, стояла, засучив рукава, с картофелиной и ножиком в руках.

Конечно из дома она никуда не выходила, никакого летчика не видела, сама радушно пригласила жандармов осмотреть ее дом, сад, огород, предложила им выпить чаю. Жандармы все обошли и уехали к соседям. Вера Васильевна побежала к своему больному, как она называла летчика, и с того дня почти две недели не отходила от него, перевязывала раны на обожженном теле. Нашелся врач, который украдкой его посещал, нашлась сестра, снабжавшая Веру Васильевну медикаментами. Все они, рискуя жизнью, помогали советскому воину и подняли его на ноги.

Между тем немцы бесновались. Сотни глаз видели, что летчик приземлился, видели даже приблизительно, где это произошло. Но все следы его исчезали на этой улочке, и точно растаял он где-то меж садов. Немцы взяли на улице заложников. Они пригрозили: если в трехдневный срок летчик не обнаружится, заложников этих расстреляют, а улицу спалют. Тому, кто выдаст место пребывания летчика, обещаны были награды. Но никто летчика не выдал. Истекал уже третий день. Затаив дыхание, жители ждали

немецкой мести. Но немцам не удалось осуществить своей угрозы. Именно в этот день Красная Армия вступила в Люботин. На одной из улиц передовой отряд, вступивший в город, встретила радостная женщина у ворот своего дома. Она гордо поддерживала перевязанного, но уже стоявшего на ногах лейтенанта Киреева, которого она, рискуя своей жизнью, спасла от смерти и от немецких лап.

Село Дарница, Харьковской области, было еще в глубоком немецком тылу, и до него едва доносились отдаленные звуки наших дальнобойных орудий, когда, однажды под вечер, перед двумя крестьянками этого села — Екатериной Петровной Вакуленко и ее дочерью Дуней — из зарослей кукурузы неожиданно вышло несколько красноармейцев. Женщины не поверили своим глазам. Здесь, в глубоком немецком тылу, стояли перед ними советские бойцы со всеми знаками отличия, с оружием. Некоторое время женщины и красноармейцы молча, изучающе смотрели друг на друга, потом старший из бойцов пояснил:

— Мать, мы разведчики, понимаешь? — И когда та вскрикнула и бросилась к нему, он приложил палец к губам: — Тише, у нас важные дела, их надо делать без шума.

Мать и дочь радостно встретили разведывательную группу сержанта Тимощука. Они принесли им все самое вкусное, что было в доме, подробно рассказали, сколько и где стоит немцев, где у них батареи, где скрыты танки, в каких хатах живут офицеры и многое другое, что интересовало разведчиков. Дуня несколько раз бегала по деревне, уточняя то, что плохо помнила. Под вечер разведчики получили все, что им было нужно. Но сержант Тимощук вошел во вкус; он сказал своим новым друзьям, что не худо бы захватить «языка». Дуня вызвалась помочь. Она сказала, что скоро немцы пойдут на ужин, и указала на дорожку, где можно было сделать засаду. Потом она пошла навстречу немцам, выбрала из них одного, который был поменьше ростом и которого, как

рассудчла девушка, будет легче и удобнее тащить, и заговорила с ним полусловами, жестами. Немец отстал от других. Разведчики бесшумно набросились на него, связали, заткнули рот, затащили в хату и связанного подняли на горище.

Решено было дожидаться до ночи, а ночью отправиться в обратный путь. Но тут был сделан просчет. Немцы хватились пропавшего, подняли шум. Начались поиски. Вспомнили немцы, что тот останавливался с Дуней. Целая ватага вломилась в хату Вакуленок. Разведчики с «языком» в то время притаились на горище. Начался допрос. Екатерина Петровна и Дуня притворились гостеприимными хозяйками. Немцев напоили молоком, угостили лепешками. Дуня с величайшей готовностью принимала участие в поисках, выскакивала на двор, звала пропавшего немца по имени.

Тем временем немец лежал, связанный наверху, он слышал до последнего слова весь разговор и все пытался подать сигнал, но его крепко держали. Ночью, когда все успокоилось, Дуня повела разведчиков обходными полевыми тропами в обратный путь и вывела их за посты немецкой охраны, пожелала им счастливого пути и скорого возвращения. И действительно, обратный путь они совершили счастливо и скоро вернулись в село Дарницу уже с передовым, наступающим батальоном.

А Софья Николаевна Кривчинова из деревни Клейменово совершила свой подвиг в еще более трудных условиях. В ее деревню с боем ворвалась наша передовая рота, но после стычки с немецкими танками была из деревни выбита. На улице, на огородах осталось несколько раненых. Немцы, заняв деревню, на глазах населения стали спокойно прирезывать раненых красноармейцев. Двое из них, сержант Павел Веселов и рядовой Александр Скрынин, лежали в подсолнечниках, за домом Кривчиновых, и Софья Николаевна решила их спасти. Она перенесла их к себе в дом, в чулан, уложила на пухо-

вике и загородила вход всякой рухлядью. На беду в доме разместился экипаж немецкого танка. Раненые лежали за тонкой стеной. Софья Николаевна, по ночам, когда немцы спали, носила им пищу.

Но случилось так, что кто-то из жителей поджог немецкий склад со снарядами. Немцы взбесились. Несколько попавшихся под руку жителей расстреляли. Остальным приказано было убираться из деревни. Уходя, Софья Николаевна успела сунуть своим раненым несколько ковриг хлеба, огурцов и соленых помидор. Но уже за деревней она вдруг с ужасом вспомнила, что не оставила им воды. И вот глубокой ночью эта немолодая уже женщина по канавам, по огородам, по знакомым с детства тропкам приползла в занятую врагом деревню, пробралась мимо нескольких часовых к своей хате и через слуховое окошко передала раненым горлан с водой. Ей грозила смерть, но не о себе она думала, она думала только об этих двух бойцах, у которых она не успела узнать даже имени, но которые были в эту минуту ей дороги, как родные дети.

Потом она пробралась обратно через линию фронта в одну нашу часть, нашла командира и стала просить его скорей отбить деревню, где лежали ее раненые. Это входило в план командира.

Еще шел бой, еще свистели пули и взрывы потрясали деревянные домики, а Софья Николаевна уже добралась до своей хаты, разгородила рухлядь, впустила к раненым солнце и воздух.

То, что совершили эти женщины, — это повседневность, это быт священной народной войны.

Сегодня в штабе знакомый офицер танковых войск рассказал мне интересную историю о том, как крестьянская семья два года сохраняла от немцев знамя разбитого, почти начисто погибшего в этих краях танкового полка. Случай не новый, но подробности настолько инте-

ресные, что мы с Ковановым решили немедленно выехать на место — в деревню Попивку. Туда направляется сегодня заместитель командующего по бронетанковым войскам для торжественной церемонии принятия знамени.

Мы долго странствовали по полям, разыскивая Попивку, которая, как оказалось впоследствии, значилась на карте как Поповка, и на церемонию опоздали. Но генерал показал нам знамя, уже охранявшееся почетным караулом, а потом от свидетелей и очевидцев мы узнали всю историю.

Вот он — этот вышитый кусок тяжелого шелка, это старое знамя, боевая святыня 18-го танкового полка, за которое ровно два года непрерывно шла глухая жестокая и героическая борьба. В ней участвовали десятки людей. Многие отдали свою жизнь, приняли страшные муки. Главными же героями этой борьбы были: пожилая колхозница с усталым, изборозженным скорбными морщинами, умным суровым лицом — Ульяна Михайловна Белогруд и ее дочь — Марийка — семнадцатилетняя украинская красавица.

Борьба за знамя началась в сентябре 1941 года на полях Полтавщины, изрезанных крутыми петлями неторопливой и полноводной реки Псел. Немецкие бронированные орды генерала Клейста, форсировав Днепр, рвались к Харькову, остатки 18-го танкового полка были давно уже отрезаны от своих частей, но продолжали вести борьбу, чтобы сдержать и затормозить вражеские армии. Давно кончился бензин. Танкисты заправляли свои машины на брошенных базах МТС. Боеприпасы собирали в подбитых танках и продолжали воевать. В неравных боях полк таял. Наконец 25 сентября в бою у Оржецы сгорели последние две машины. Из полка осталось восемь человек: старший лейтенант Василий Шамриха, политрук Степан Шаповаленко, лейтенант Леонид Якута, старшина Григорий Лысенко, рядовые Никита Яковлев, Лев Насонов, Николай Ожерелев и Александр Савельев — танкисты без танков.

Но они не думали сдаваться. Ночью, в болоте у Оржицы, в зарослях камыша, лейтенант Шамриха сделал привал. Он достал из-за пазухи бережно завернутое в рубашку полковое знамя, развернул его при свете луны, прижал к сердцу и сказал торжественно и решительно:

— Пока мы, восемь человек, держим оружие, пока у нас это знамя, полк наш не побежден, он существует и воюет. Поклянемся, товарищи, перед этим вот знаменем, что оружия не сложим и, пока живы, не бросим восвояты.

И первым, встав на колени, он поцеловал угол шелкового полотнища. За ним молча сделали это его товарищи. Потом знамя Шамриха зашил в подкладку своей ватной куртки.

Спешенные танкисты начали партизанскую войну. Может быть, когда-нибудь после войны, кто-нибудь из оставшихся в живых участников этой партизанской группы на досуге подсчитает, сколько было сожжено ими в эту осень немецких машин, сколько перехвачено транспортов, сколько во время засад перебито в степи немцев. Тогда им было не до подсчетов. Они действовали. Они воевали, и лучшей оценкой их деятельности были расклеенные немцами по Великокринскому, Кобелякскому и Решетиловскому районам Полтавщины объявления о появлении в этих местах целого полка партизан в танкистских шлемах. Немцам предписывалась крайняя осторожность при передвижении по степи. Селянам сулились богатые премии и всяческие блага, если они помогут напасть на след полка партизан или приведут хотя бы одного партизана в комендатуру. Начались по этим районам массовые облавы, слежки, аресты. Эскадроны эсэсовских драгун шныряли по степи. И хотя степи в этих местах голые и зимой на снегу можно заметить человека за несколько километров, партизаны из группы Шамрихи были неуловимыми.

Теперь можно выдать секрет их неуловимости. В окрестных деревнях танкисты завели себе верных дру-

зей, и когда эсэсовский отряд и гестаповцы окружали их в деревне, они и не думали бежать, а оставались у своих друзей и занимались слесарным делом, чеботарством или другой какой-нибудь мирной профессией.

Знамя хранили, как зеницу ока. Когда группа шла на операцию, оно зашивалось в подкладку куртки того, кто оставался дома и не подвергался опасности. Но тут танкисты допустили оплошность. Они рассказали кое-кому из селян о том, что у них хранится знамя танкового полка. Каким-то путем эта весть доползла до немцев. Немцы удвоили, утроили поиски. Ведь за захваченное знамя у них полагался рыцарский крест, чин офицера и месячный отпуск на родину. После долгих поисков попали на след.

Однажды ночью они выследили и окружили Шамриха. Вместе с ним были арестованы Шаповаленко, Якута, Лысенко. Зимой их раздели донага. Всю одежду вспороли и изрезали на клочки, ища следов знамени. Потом их пытали: на морозе постепенно обливали холодной водой и спрашивали:

— Где знамя?

Танкисты заживо превращались в ледяные статуи. Они замерзали и, замерзая, молчали. А знамя между тем находилось в подкладке тужурки бойца Ожерелова. Вместе с Насоновым и Яковлевым он сидел в избе верного друга, крестьянина села Попивки Павла Трофимовича Белогруд. Они обсуждали, как быть, как теперь, когда каждому из них ежеминутно грозит арест, сберечь полковую святыню.

Решено было, что три бойца пойдут партизанить в дальние районы, а знамя оставят на сохранение Павлу Трофимовичу.

Вечером Павел Трофимович собрал семью. Закрыли дверь на крючок, на засов, на шеколду. Знамя он развернул и показал семейным. Потом велел жене и дочери Марийке аккуратно сложить его, зашить в сатиновую наволочку. Сам он обстрогал фанерку, положил на нее свер-

ток со знаменем и приколотил фанерку к тыльной части широкой дубовой скамьи в красном углу хаты.

— В случае, что со мной поделется, любой из вас, кто жив останется. храните знамя это свято и нерушимо до самого до прихода наших частей. И когда части наши придут в родную Попивку, передайте то знамя самому, главному из военных. Если же кого из вас о знамени пытаться будут — дайте язык вырвать, очи выколоть, душу вынуть, но ничего про него не говорите.

Старому Белограду первому в семье пришлось выполнить этот свой наказ. Умерли в тяжелых муках, но ни слова не сказали немцам о знамени лейтенант Василий Шамриха и его товарищи. И все же немцы дознались стороной, что Шамриха бывал в Попивке у Белоградов и у других крестьян. Гестаповцы схватили Павла Трофимовича, брата его Андрея Трофимовича и еще одиннадцать попивских граждан и отвезли их в великокрынскую тюрьму. Когда в хате старому Белограду вязали на спине руки, он успел шепнуть Ульяне Михайловне:

— Что бы ни случилось — о том, ни слова. Береги пуце глаза.

Арестованных крестьян в застенке ждала еще более страшная пытка, чем их предшественников. Стремясь во что бы то ни стало узнать, где спрятано неуловимое знамя, гестаповцы превосходили сами себя. Они жгли тела Белоградов паяльными лампами, пробивали гвоздями кости рук и ног, напоследок обрезали уши, нос, выкололи глаза. Ослепленный, окровавленный, еле живой Белоград на вопрос: «Где знамя?» хрипел:

— Не бачу... Не бачу, бисовы сыны... Не бачу, что б вы пропали.

С тем и умер беспартийный украинский крестьянин Павло Белоград, не выдав своей тайны, и тайна эта всей тяжестью легла на плечи его жены. Трудно сказать почему, сорвалось ли у кого из крестьян под пытками неосмотрительное слово, или нашелся предатель, но немцы поче-

му-то были твердо уверены, что знамя спрятано у Бело-
грудов, и всеми мерами старались выведать тайну. Ульяне
Михайловне предлагали награды, сулили богатые подар-
ки, если она скажет, где спрятан оставленный партизана-
ми сверток. Ей грозили пожаром, расстрелом, пытками.
Подобно мужу, она упрямо отвечала: «Не бачу». А по но-
чам, когда в хате стихало, она сползала с печи, босиком
кралась в передний угол и проверяла, тут ли знамя, при-
несшее в ее семью столько почета и горя.

Тогда немцы попытались сыграть на материнских чув-
ствах старой колхозницы. Они схватили трех ее детей —
дочь Любу, сыновей Петра и Ивана — для отправки в
Германию. Плачущей матери прямо сказали:

— Выдай то, что оставили партизаны, детей оставим
и бумажку такую дадим, что никогда их больше никуда
не мобилизуют.

Всю ночь, и день, и еще ночь проплакали, сидя, обняв-
шись, Ульяна Михайловна и Марийка. Жаль было отпу-
скать в проклятую неметчину Любу. Горестно прощаться
с двумя сынами, как две капли воды похожими на покой-
ного Павла Трофимовича. Momentами мать колебалась.
То и дело вставала она, шатающейся походкой подходи-
ла к красному углу — тут оно? Убеждалась, что тут, и
опять садилась к дочери, плакала и думала, как быть.
Когда настало утро и переводчик опять спросил ее, от-
даст ли она партизанский сверток, она встала, бледная,
еле держащаяся на ногах, подняла на него исплаканные
ненавидящие глаза и ответила:

— Нема у меня никакого свертка. Ни бачу я никаких
партизан.

Так свято хранили мать и дочь год семь месяцев пол-
ковое знамя, уверенные, что пройдут лихие времена и
сбудутся слова покойного Павло Белогруда, настанет
счастливый день, и по зеленой улице родной Попивки
пойдут свои, которым она отдаст с такой мукой сохра-

ненное знамя. День этот стал приближаться. По большаку к Днепру потянулись немецкие обозы. Усталые, избитые, злые немцы дрючками погоняли истощенных вьюков и кляч. Гремели пыльные машины, груженные зерном, железом и всяческим барахлом.

Ульяна Михайловна поняла: немцы уходят. Но тут ее ждало еще одно испытание. Обгоняя немцев, по Полтавщине ползли страшные слухи о том, что, отступая, немцы особенно лютуют, все жгут, угоняют и скот и людей. Зарево пожаров по ночам вставало над степью. Ульяна Михайловна думала: а знамя? Оно может сгореть вместе с хатой. Посоветовалась с дочкой и решила: знамя все время нужно держать при себе. Вынули его из заветного угла, куда спрятал его еще покойный Павло Трофимович, вспороли наволочку, завернули в чистую холстину, и этой холстиной Ульяна Михайловна обмотала себя. Так и ходила, не расставаясь с ним ни на минуту.

Фронт был уже близко. Немцы, квартировавшие в Попивке, ночью сорвались и начали жечь деревню. Уже под утро к хате Белогрудов на мотоцикле подъехал местный комендант, подошел к Ульяне Михайловне:

— Последний раз говорю: отдай нам тот сверток. Хату оставим, корову оставим, хлеб оставим, отдай!

— Не бачу я, що вы такое балакаете,— устало сказала женщина, с грустью глядя, как солдаты обливают керосином ее просторную, крепкую, построенную на века хату, как поднимаются языки огня по камышевой крыше, как лижет огонь резные голубые наличники и ставни, которые за год перед войной с такой любовью вырезали ее муж с сыновьями.

И упала женщина на сухую землю, и залилась она горькими слезами у пылающего своего пепелища на холме, над Пселом, посреди объятаго пламенем деревни.

А Марийка толкала ее:

— Мамо, мамо! Наши... Наши же! Через Псел уже не-
решили!

Тут она пришла в себя и вдруг почувствовала, живо
ощутила на себе обернутое вокруг тела знамя. Она встала
на ноги, сняла с себя холстину... Мать и дочь разгладили
знамя руками и пошли с ним через пылающую деревню
к реке, с которой поднимались по большаку наши передо-
вые роты...

Такова история этого знамени, рассказанная нам Бело-
грудями, их соседями и партизанами Насоновым, Ожере-
ловым и Яковлевым, которые теперь снова стали танки-
стами и присутствовали при торжественной церемонии
передачи полковой святыни.

ОКТАБРЬ

Чем ближе подходят наши передовые дивизии к Дне-
пру, тем ожесточеннее наступление немцев. В семь часов
утра, ни часом позже, в небе появляются двухфюзеляж-
ные корректировщики «Фокке-Вульф», которые наша пе-
хота зовет «фриц с оглоблями» или «рама», они сбрасы-
вают вороха самых разнообразных листовок.

Листовки эти никто не читает и употребляют их боль-
ше для бытовых солдатских нужд. На вид листовки раз-
ные, но по содержанию все они одного тона: немцы пу-
гают не артиллерией, не танками, не самолетами, как это
они делали раньше, а Днепром и «Восточным валом», ко-
торый якобы они создали за великой рекой.

Вчера я подобрал две такие листовки. В одной говори-
лось: «Западный берег Днепра Германия одела в бетон и
оковала железом. Мы создали там неприступный Восточ-
ный вал, подобный Западному валу, созданному нами на
Атлантическом побережье. Вас гонят на смерть. Смерть
ждет вас на Днепре. Остановитесь, пока не поздно». На
обратной стороне был изображен бетонный каземат, ок-
руженный подсолнухами, и два устрашающего вида фри-

ца у фортовой пушки. Несомненно, укрепления за Днепром есть, и, судя по всему, сильные. Я видел снимки фоторазведки с самолета. Высокий берег, уже сам по себе представляющий очень сильное прикрытие, покрыт сплошными узорами окопов, такими же узорами покрыты прибрежные холмы и высоты на большую глубину от берега. Да и от перебежчиков с той стороны, которых за последнее время становится все больше и больше, слышим, что, начиная с весны, огромные партии рабочих пригонялись на Днепр из глубинных районов правобережной Украины.

Что же представляет собой этот знаменитый Восточный вал? Как долго он может задержать наступление наших частей? Этот вопрос я задал сегодня командующему во время приема представителей печати.

Он посмотрел на меня своими острыми серыми глазами, усмехнулся, потом задумался.

— На свете нет таких укреплений,— сказал он,— который умелый и смелый солдат не смог бы взять. Вот эту истину я твердо знаю.

События обгоняют друг друга.

Части нашего фронта, который теперь именуется не Степным, а 2-м Украинским, взяли Кременчуг — тот самый «город-мост», который гитлеровская ставка приказала держать любой ценой.

А ночью того же дня узнаем: наши части форсировали Днепр.

Мы несемся к Днепру, к месту впадения реки Новой Орлик, где, как нам сказали, на том берегу образовался уже настоящий устойчивый плацдарм.

Солнце поднимается над степью, еще седой от утреннего тумана. Дорога долго бежит ровной бескрайной степью. Мимо полей, на которых сереет пепел сожжен-

лых стогов, мимо выжженных украинских сел, мимо пожелтевших яблонь, на которых висят спекшиеся плоды, мимо раздутых трупов, по кровавым следам врага.

Как-то совсем неожиданно из-за крутого поворота дороги появляется вдруг широкий серебристо-сверкающий Днепр.

Старые днепровские рыбаки, седобородые диды, плакали от радости, вновь увидев красноармейцев на берегу. Эти диды, знавшие в реке каждый камешек, единогласно подтверждали, что «поганые» имеют сильные укрепления там, где места особенно удобны для переправ, где испокон веку ходили паромы, а здесь, в широком, изобилующем косами и мелями месте, немцы атаки не ждут, и у них на том берегу только батарея да заслоны на острове. Диды брались сумерками незаметно провести челны с десантом на остров. Они клялись, бросали о землю ба-раньи шапки,— всячески доказывали, что именно тут можно переправиться без потерь.

Командира роты саперов гвардии капитана Николая Максименко долго уговаривать не пришлось. Он сказал дидам: «Добре», и люди его, обмотав тряпками весла, чтобы можно было плыть без шума, подвели челны к берегу, и в них молча сели первые группы автоматчиков.

— С богом,— сказал старый рыбак Степан Трофимович Повинчанный, сидевший на носу первого челна, и перекрестился па темный восток.

— Вперед! — добавил майор Плешаков.

Челны оторвались от берега и исчезли в белом тумане. Потекли томительные минуты.

Внизу у кустов зашуршал песок, и хриловатый взволнованный голос доложил:

— Подчалили благополучно. Выгрузились на косе. Окапываются. Давай следующие.

Так в темноте, в абсолютном молчании, флотилия рыбацких челнов, совершая несколько рейсов на утлых пло-

скодонных суденышках, едва поднимающих пять человек, перебросила через Днепр на остров Глино-Бородаевский, занятый врагами, стрелковый батальон с четырьмя легкими пушками.

Переправившись, люди ложились на песчаной отмели, маскировались за бурунами, окапывались — и все это без шума, без огонька папироски, без громко сказанного слова. Когда бойцы окопались на острове, майор отдал две команды — артиллеристам и пулеметчикам: «Огонь!» и пехоте: «За мной в атаку, ура!».

Гром выстрелов и разрывов, неожиданно оборвавших речную тишину в самый глухой час ночи, русский воинский клич, вырвавшийся разом из сотен грудей, цепи наших стрелков, внезапно возникшие из седого тумана, ошеломили немецкий гарнизон острова. Немцы бросили свои окопы, блиндажи, бросили пулеметы, запасы патронов и гранат, кухни с варящимся к утру завтраком и побежали к западной части острова. Беспорядочно стреляя в лесную тьму и сбрасывая на ходу сапоги, мундиры, пилотки, они кидались в воду. А в это время наши пулеметчики с берега били вылезавших из воды мокрых немцев.

Теперь все решала быстрота. Сидя на глинистых неприступных кручах, несколько пулеметчиков могли без труда отражать штурм целой дивизии. Командир части прекрасно это понимал. Он знал, что как только немцы подбросят сюда подкрепление, нечего будет и думать снова форсировать здесь реку. Это понимали и его бойцы. Несмотря на крайнюю усталость, мокрые, они по пятам немцев вбежали на высокий берег, заняли лестницы и, постоянно накапливаясь наверху, захватили прибрежную часть деревни Дюмоткань.

Немцы тоже понимали, как велика для них опасность. Русские за Днепром. Русские прорвали великий водный барьер, которым немцы хотели прикрыться, за которым они думали отсидеться. Немецкая пехота и артиллерия контратаковали этот маленький, еще не укрепленный на-

ми кусок земли с яростью отчаяния. Одновременно сильный немецкий десант был высажен в северной части острова. Немецкие десантники перерезали остров, прервали подход подкреплений

Но наши саперы уже подвели к острову паром. Подоспели и понтонники со своим парком. На воде заколыхались громадные резиновые баркасы, поднимавшие до двадцати человек. Связь с островом становилась все более и более прочной. Через Днепр уж перетянули орудия. Эти силы ударили по вражескому десанту, отбросили его, прижали к Днепру и уничтожили.

Мы приехали на переправу, когда бой достиг своего наивысшего напряжения. Но переправа уже работала без перебоя. На резиновых лодках, сцепленных между собой помостом, стоял тяжелый танк. Громадный трактор пытался на острове, увлажывая в лесок вязнущую в прибрежном песке пушку, а на той стороне, над деревней, в прозрачном осеннем воздухе стояли от разрывов столбы пыли. Гром канонады перекачивался над Днепром.

Интересно совпадение: именно здесь, через этот остров, переправлял Карл XII свою армию. Саперы, копавшие в песке ровики, нашли ржавый эфес старой шведской шпаги.

Наши войска в восемнадцати местах форсировали Днепр. Этому трудно поверить, но нам показывают на карте места форсирования. Правда, их теперь не восемнадцать, а всего девять.

— Что же, а в остальных нас сбросили в реку?

— Нет, зачем же? Эти плацдармики сливаются и из маленьких становятся большими.

Вот это новость! Не в этом ли стратегический замысел нашего командования?

«Восточный вал» прорван не крупными соединениями во всеоружии саперной и инженерной техники, а мелкими группами смельчаков, которые на подручных средствах, ночью, незаметно для врага, пересекали водную стремнину, скапливались в камышах и, нанося неожиданные уда-

ры по немецким гарнизонам, отвоевывали маленькие пятючки земли, окапываясь на них. За одну ночь на шестидесяти километрах правобережья оказалось вдруг восемнадцать таких пятючков, к которым тотчас же потянулись нити переправ. Правда, переправы эти были ненадежны, а отвоеванные клочки так малы, что простреливались вдоль и поперек из автомата, но их было восемнадцать, и оборонительный резерв немцев был расщеплен, скован, лишен маневра.

Враг не знает, где будет нанесен главный удар.

Тем временем эти пятючки укрепляются, начинают расширяться. На подкрепление автоматчики подбрасывают пулеметы — легкие, затем тяжелые, затем артиллерию, а потом понемногу, с подходом понтонных частей, и танки. И хотя, как это мы собственными глазами видели сегодня, немцы бешено контратакуют, каждая отбитая атака, каждый новый бой прибавляют к этим пятючкам новые метры земли.

Форсирование Днепра еще и еще раз подтвердило сталинские слова о дефектности немецкой стратегии. Согласно своим уставным положениям, немцы ждали, конечно, концентрированного удара через Днепр и были готовы отразить его. Наши начальники поставили сразу же немцев в обстановку, не соответствующую уставу: форсировали Днепр малыми силами во многих местах, и немецкая оборона сейчас дезорганизована. Немцы рассчитывали, что наши небольшие силы они легко сбросят обратно в реку. Поэтому еще вчера с нашими десантами сражались только гарнизоны «Восточного вала».

Ошиблись немцы в своем расчете!

Сегодня из дивизии пришли репортажи — описание подвигов людей, которых командование фронта представ-

ляет к званию Героев Советского Союза. Вот несколько рассказов, взятых из этих документов:

Осенним вечером передовые пехотные части вырвались на Днепр. Разведчики подошли к реке. Сержант Василий Сибирцев получил приказ вплавь добраться до острова, темневшего посредине реки, и разведать немецкие силы. Сибирцев связал ремнем пук сухого очерета, разделся и, толкая этот поплавок, скрываясь за ним, тихо поплыл к острову. При свете луны немцы видели со своих мосток кучу тростника, которую течение медленно несло вниз. На острове сержант обнаружил только два немецких поста. Можно было возвращаться обратно, но ему захотелось обязательно побывать на том берегу, высмотреть немецкие позиции. Он тихо обошел остров и двинулся дальше. Через несколько минут пук очерета подчалил к глиняной круче.

На досках и бревнах лежали свернутая одежда, автомамы, патроны, штурмовые пожи. Когда все вышли на берег, в камыши, сержант приказал бойцам одеться, проверить оружие и тихо двинуться вдоль берега. Гуськом они поднялись по круче на правый берег и услышали немецкую речь. Пригляделись. В холодном свете луны видны окопы и батарея, стоящая на высокой земляной площадке над Днепром. Около нее у костра греются немецкие артиллеристы. Взвод сержанта Беляева молча, с ножами, выскакивает из тьмы, и через минуту батарея захвачена. Беляев до первого ранения был артиллеристом. Он приказал бойцам повернуть пушки на запад. Зарядил их, и первый залп из немецких орудий по немцам грянул за рекой.

Но немцы оправились от удивления. Они поняли, в чем дело, поняли, какую опасность таит для них захват этой батареи, и начали бешено контратаковать ее всеми силами, какие у них тут были. Завязался бой, силы в котором были несоизмеримы. Беляев осыпал атакующих немецкой картечью. Он бегал от орудия к орудию, заряжал, стрелял. Бойцы подавали ему снаряды и отстреливались

из автоматов. Один из них возился у трофейного пулемета, стараясь разгадать тайну незнакомого механизма. А немцы все наседали. Снаряды кончались. А тут еще разорвалась мина, и Беляев был ранен. Он упал, но тотчас же пришел в себя. Стрелять из орудий было поздно — немцы были рядом. Беляев подполз к трофейному пулемету. Участник сталинградской обороны, он хорошо знал трофейную технику, и через мгновение немецкий пулемет поливал немцев свинцом. С холма было видно при свете холодной луны, как они поползли было назад. Но лента кончалась. Пулемет смолк. Немцы опять ползли к батарее. Теперь у защитников ее остались только автоматы с пустыми обоймами. Герои уже решили встретить неприятеля прикладами в рукопашной схватке, когда из-за Днепра подошло подкрепление. Под шум боя к берегу незаметно причалило несколько баркасов. Тяжело дыша, автоматчики вбегали по глиняной круче и, возникая из тьмы над ее горбом, засыпали немцев дробным огнем своих автоматов.

Кусок земли, занятый Владимиром Беляевым, был удержан. За него зацепились наши переправы. Трудно и представить себе, что значат переправы, действующие непрерывно, даже методично, под прицельным огнем немецких пушек, пулеметов, порой автоматов.

Если самолету даже на большой высоте рискованно летать над вражескими позициями, прикрытыми зенитной артиллерией, то парому или баркасу, которые идут через реку во много раз медленнее самолета, двигаться под прицельным огнем неприятеля во много раз опаснее. А паромы двигались, и двигались регулярно. Старшим на одном из таких десантных паромов был красавец-узбек, Комал Джамалов. Он три дня работал на своем пароме под вражеским огнем и совершил тридцать восемь поездок. Особенно запомнилась ему третья поездка, когда немцы, взяв медленно двигавшийся паром на артиллерийский прицел, стали класть возле него снаряд за снарядом. Раз-

рывы медленно приближались к парому. Взметы воды окатывали людей, а паром все шел вперед. Но вот одна тяжелая мина разорвалась возле него. Ранило нескольких бойцов. Вода лилась в пробоины. Джамалов заткнул дыру кусками гимнастерки. До берега оставалось еще метров пятьдесят. Вдруг паром вздрогнул, и все попадали: паром был пробит, хотя снаряд, не разорвавшись, ушел в воду. Поток воды с шипением хлынул в металлическую лодку, и она стала медленно тонуть.

Тогда Джамалов бросился вниз, телом своим заткнул пробоину и, упершись ногами в борта, держал воду. Паром с такой живой «заплатой» благополучно подошел к берегу. Это всего лишь эпизод работы понтонеров.

Между тем, пока на Днепре шла переправа, рядом, на прибрежных холмах и курганах, развертывалась борьба— непрерывная, напряженная и особенно жестокая потому, что дрались тут не за километры, не за широкие пространства, а за метры опаленной, израненной разрывами, густо политой кровью земли; дрались не на жизнь, а на смерть!

Вот два эпизода этой борьбы, которую в сводках скромно и лаконично именовали «борьбой за расширение плацдарма». Гвардии рядовой, наводчик орудия Иван Кукарин, вместе со своим расчетом выполнял именно эту задачу. Он поддерживал своим огнем пехоту, теснящую врага от берега. Расчет шел с пехотой, бойцы тащили орудия, и когда на пути пехоты возникали огневые точки, артиллеристы прямой наводкой, кинжальным огнем старались смести их. Так, с боем продвигаясь вперед, бойцы из расчета Кукарина выкатили свое орудие на высоту, только что захваченную пехотой, и закрепились на ней. Но батальону немцев удалось прорвать наши цепи, потеснить пехоту, и немцы густой толпой ринулись на высоту, которая казалась им пустой. Да она и была почти пустой, так как в это время у орудия Кукарина разорвался снаряд и все его товарищи были убиты, а сам он взрывной волной был отброшен и контужен. Но, ударив-

шись о землю, тотчас же пришел в себя и, увидев, что немцы густой толпой поднимаются по косогору, быстро навел свое орудие на толпу и в самую ее гущу послал осколочный снаряд. Удар был так точен, что половина поднимавшихся на косогор полегла тут же. Остальные прыгнули на землю и долго лежали. Потом, убедившись, что они имеют дело с одной только пушкой, осторожно поднялись и стали опять продвигаться перебежками.

Но в заднепровской битве, где каждый был героем и один — в поле воин, — Кукарин, один против нескольких десятков врагов, поднимавшихся к нему, решил продолжать бой.

— Сдавайся! — кричал ему по-русски немецкий офицер. В ответ на это гремели орудийные выстрелы, рвалась шрапнель, накрывая немцев. Кукарин стрелял, поворачивая пушку во все стороны. Все меньше и меньше рвалось к нему немцев, но они еще ползли, а снаряды были уже на исходе. Но и немцев наступало только трое. Они ползли, и офицер все кричал:

— Рус не стреляй! Плен! Плен!

Артиллерист схватил винтовку. Выстрел — и немецкий офицер затих. Второму немцу Кукарин раздробил голову прикладом, но был и сам ранен. Раненый, он сцепился с третьим, и последним, из наступавших. Они долго катались по земле, пока Кукарин не задушил его, собрав последние силы. Расправившись с врагом, он лишился сознания от потери крови. Так и нашли его, без сознания, возле пушки, у которой валялись стаканы расстрелянных снарядов и трупы сраженных им врагов.

Живем в Кишеньках, большом украинском селе, широко раскинувшемся при впадении Орлика в Днепр.

Взят крупнейший железнодорожный узел правобережной Украины — город Пятихатки.

Танковый удар, зарождение которого мы недавно наблюдали на днепровских переправах, нанесен. Все три пояса «Восточного вала» прорваны. Ротмистров и Дубовой со своими стальными армадами прорвались в степи правобережной Украины и рвутся все дальше и дальше вглубь Криворожья.

Самое интересное, пожалуй, в этом прорыве — это переправа через Днепр, под носом у врага, крупнейших танковых соединений в условиях и в сроки, которые могут показаться сказочными. Мы видели, как под покровом осеннего тумана тяжелые боевые машины, на плотках, укрепленных на надувных понтонах, пересекли реку. И это делалось незаметно для немцев, которые, по показаниям пленных, до самого танкового удара считали, что за Днепром они имеют дело только с пехотой и мелкими калибрами артиллерии. Зато, когда утром, на заре, танковые части Ротмистрова и Дубового рванулись в бой, удар их был так внезапен и ошеломляющ, что в первые же часы боя немецкая оборона была пробита танковыми клиньями на всю глубину.

Итак, бронированный удар обрушился на немцев неожиданно. Танковые армады хлынули в степи Криворожья и дальше. Шло стремительное концентрированное наступление. Если прибрежные села, Домоткань, Мишурин Рог, Калушино, разрушены и сожжены, дальше, за прибрежной десятикилометровой зоной, мы увидели непривычное для нас зрелище: деревни, где в окнах не были повреждены даже стекла. А ведь они лежали на основной дороге немецкого отступления. Немцы бежали здесь так быстро, что у них не было времени ни взрывать, ни поджигать, ни даже грабить.

Чем дальше вела нас дорога наступления, тем красноречивей были эти следы немецкого бегства. Батарея, брошенная в кустах. Тут же зарядные ящики. Прислуга об-

рубил постромки и ускакала на конях. Все исправно. Хоть сейчас заряжай и открывай огонь. Вереницы возов с пшеницей, запряженных волами. Вола свернули с дороги и флегматично жуют кукурузные кочки, а золотая пшеница сыплется из прорванных мешков в грязь.

У Пятихаток начали попадаться брошенные машины, а сами Пятихатки — это гигантский гараж.

На станции вереницы эшелонов с мукой, солью, с боеприпасами, с танками и даже — с бензином. На путях уже стоят наши часовые. На элеваторе под погрузкой длиннущий состав, на вагонах мелом написаны адреса назначения: Кельн, Тильзит, Кенигсберг.

— Придется переадресовать, — посмеивается представитель железнодорожных войск, прилетевший сюда.

В пригороде, в маленьких хатках, находим штаб Ротмистрова. Здесь работают, не вылезая из танков, и у хатки самого Павла Алексеевича стоит танк с алюминиевым штырем-антенной, с глухо пофыркивающим мотором.

Но Пятихатки — это только этап. Танки рвутся дальше — к Кривому Рогу. Обстановка меняется каждую минуту. Глядя на карту, кажется, можно видеть глазом, как линия фронта быстро отползает на юго-запад.

И все же победа дается не легко. Немцы отбиваются здесь с упрямым бешенством отчаяния. Не жалея ни сил, ни техники, часто вопреки разуму, они бросили в бой все, что было у них здесь, в резерве, а сейчас бросают все, что могут сорвать с соседних участков. У Ротмистрова нас ориентировали в обстановке. Немцы пытаются теперь подрубить заднепровский клин под самое основание. Пять дивизий бьют по этому клину справа, шесть, в том числе четыре танковых и среди них пресловутая «Великая Германия», — слева. Контратаки следуют одна за другой. В бой идут сразу один-два полка со ста — ста пятьюдесятью танками. Но мы уже, кажется, закрепили основание клина такими артиллерийскими заслонами, что

каждый раз, когда немцы откатываются назад, мы, преследуя их, расширяем клин еще на один-два километра.

На обратном пути я пересел на попутный самолет, вошедший к Ротмистрову офицера связи.

Когда в темнеющем воздухе засеребрилась багровая в лучах заката гладь Днепра и внизу замелькали отлично видные сверху зубчатые полукруглые линии немецких окопов, я тронул летчика за плечо и запиской попросил его пролететь вдоль реки, с тем чтобы получше осмотреть оставшееся позади укрепление «Восточного вала». Действительно, для того чтобы по-настоящему уразуметь систему приднепровских районов, нужно было их видеть с пгичьего полета. Земля на прибрежных холмах была изрыта, источена, как будто целое племя гигантских кротов выбрало этот район для своего местожительства. У самой воды линия окопов была сплошной, с земляными фортиками и огневыми точками, выходящими к реке. Ходы сообщения связывали окопы первой линии с окопами второй, третьей линий, а за рокадной дорогой, сверху походившей на серую жилу, были укрепленные высоты, очевидно взаимодействовавшие между собой системой огня.

Впрочем, как это часто бывает в нашем деле, неудача привела с собой удачу. На ночлег мы попросились в крайнюю хату, что у школы.

Здесь я узнал про дида Левко. Узнал, что он действительно жил, а не был порождением народной фантазии и образом нового эпоса этой войны, который уже сейчас слагается в деревне. Дид Левко действительно жил, воевал, слагал и пел песни. Учительница школы хорошо знала старика и обещала завтра поутру сводить нас на его могилу.

Старик появился в приднепровских деревнях неожиданно, через несколько недель после того, как сюда пришли немцы. Он был очень стар, слеп, одет в рваную свит-

ку, домотканные порты и ходил, нащупывая себе дорогу длинным липовым дрючком. На седой голове носил он барашковую шапку, такую ветхую и драную, что на нее не покушался ни один немец. За плечом у него была бандура, такая же старая, как и он сам, и холщевый мешок, куда он складывал подаяние. Лицо у него было сухое, морщинистое; бороду, по обычаю местных стариков, он брил, но носил усы — длинные, запорожские, пожелтевшие от табака усы.

Придя в деревню, старик садился в садике, у крайней хаты, и начинал брэнчать на своей бандуре. Собирался народ. Тогда старик ударял по струнам в полную силу и начинал тоненьким, надтреснутым голосом петь старые думки и песни, а меж них и песни своего сочинения — про немецкую неволю, про проклятых фашистов, про героев-партизан. Собирались большие толпы. Смелость этого старца, открыто смеявшегося над немцами в деревнях, где стояли их гарнизоны, его простые песни про оккупантов, про Гитлера, то едкие, огневые, приправленные соленым народным словом, то грустные, как думки старилы, крепко запоминались. Они будили ненависть и укрепляли надежду. Они утешали и звали на бой. Они снискали диду Левко огромную известность и крепкую любовь.

В каждой деревне у него было много доброжелателей, которые предупреждали его об опасности, кормили, поили, снаряжали в дорогу. От поводырей он всегда отказывался и уходил из деревни один, быстро нащупывая дорогу палкой, так же неожиданно, как и появлялся. Куда он уходил? Никто не знал. Однако внимательные люди заметили, что каждый раз после его появления у немцев всегда случалась какая-нибудь неприятность: то противотанковую гранату бросили в здание комендатуры, то неведомая рука казнила какого-нибудь предателя, то взлетел в воздух мост на оживленной магистрали Кременчуг — Полтава, то загорался заночевавший в пути эшелон с бензином.

Около года кочевал этот старец по приднепровским деревням. Его песни пели уже тысячи голосов. В любой хате его ждали, как друга, и встречали, как отца. Немцы ни о чем не догадывались. Мало ли таких лирников кочевало по степям, добывая себе кров и пищу безобидными песнями о старых бывальщинах. Но кто-то донес. Старика схватили в пути, у деревни Жовтень, в которой мы заночевали. В мельничном сарае его пытали, надеясь что-либо выведать о партизанах, но он не проронил ни одного слова, как будто был не только слеп, но и нем. Тогда его повесили за деревней, у маленького сарая, а на груди пришили картонную надпись: «Партизан».

Но ночью труп исчез. Наутро на развилке дорог, где кременчугский тракт разветвляется на два направления, идущих на Полтаву и Царичанку, на холмике, под старым развесистым дубом, появилась могилка, которую заботливые руки вскоре обнесли аккуратной оградой и украсили тесовым крестом. Это жители села Жовтень с почетом похоронили старого лирника. И все лето, с тех самых пор, когда на полях появились первые синенькие подснежники, и до глубокой осени, когда в палисадниках красным пламенем загорелись мальвы, на могиле этой лежали букеты цветов и венки.

Лидия Юрьевна, так звали учительницу, дала мне тетрадку, куда она записывала частушки и песни дида Левко, и взяла с меня слово, что я передам их в Москве в соответствующую литературную организацию, чтобы не было забыто людьми простое и благородное творчество старого лирника-патриота.

Утром, когда лейтенант Мерзляков ходил к самолету для каких-то манипуляций с бензином, мы с Лидией Юрьевой дошли до могилы. Под золотым шатром осеннего дуба, в золоте поднимающегося солнца, эта могила сама казалась сверкающе-золотой. На земляном холмике лежала уже расклеивающаяся от дождя бандура, старая

барашковая шапка и два венка из красных кленовых листьев, скрепленных между собой черенками.

НОВАБРЬ.

Кованов сообщил: только что взята Лозоватка — огромное село перед Кривым Рогом, и наши танки уже рвутся к предместьям города.

К танкистам, стоящим в балочках за Лозоваткой, мы попали совсем не во-время. Две свежие танковые немецкие дивизии атаковали их со стороны Кривого Рога. Авиация непрерывно бомбила их позиции. Кончалось горючее. Оборвана была связь. С нашим самолетом сейчас же отправили в тыл тяжело раненого командира бригады. Танкисты продолжали бой с впятеро превосходящим их противником. Боеприпасы были на исходе.

— Условия не очень способствуют творческому подъему, — почесал в затылке Кованов, узнав об обстановке.

Впрочем, он не потерялся. Раздобыл где-то два автомата, один из них подарил мне, и мы забралась на дно глиняного карьера, где помещался и работал — действительно работал — штаб бригады.

Встретили нас здесь не очень любезно. До журналистов ли, когда вражеские танки уже вышли на коммуникации? Но еще два автоматчика — это все же не лишнее. С нами смирились и даже зачислили на довольствие. Времени у нас достаточно. Сидим на камне и по свисту бомб стараемся угадать: эта вправо, эта влево, а эта?.. И чувствуем, как тягостно холодеет тело и как хочется совсем вжаться в сырую, скользкую глину. А штаб работает на дне своей ямы.

К вечеру у нас за спиной канонада прекращается. Это значит, что немцев остановили и их попытка прорваться опять к Пятихаткам не состоялась. Но мы уже очутились за линией фронта. Ночью бригада получает приказ отойти.

Вперед посылается разведка. План: незаметно, насколько это можно, подобраться к немцам, потом с ходу обрушиться на них всей массой и под шум боя выскакивать, прикрывая тех, кто пойдет в пешем строю.

Ходим возле замаскированных машин. Бомбежка прекратилась, танкисты спокойно возятся у своего бронированного хозяйства, поровну распределяя между машинами горючее из того немногого, что осталось в баках. Потом, лощинами, танки начинают пробираться к новой линии фронта. Сидим на броне четвертой машины. У какой-то грани — у какой именно, трудно во тьме разобрать — хлопает пистолетный выстрел. Танки разворачиваются веером, начинают палить из пушек и пулеметов и полным ходом несутся в сырую, холодную мглу. Мелькают очереди трассирующих пуль. Где-то гукает артиллерия, но выстрелы звучат торопливо и слабо. А машины рвутся вперед и вперед, и по тому, что наши орудия замолчали, а выстрелы раздаются откуда-то сзади, догадываемся, что выскочили благополучно и, как кажется, без потерь. Из тьмы бегут к нам какие-то люди. Тревожно, настороженно звучат вопросы:

— Кто? Чье хозяйство? Вырвались?

Танки сейчас же поворачивают и занимают новые позиции. Ни с кем не прощаясь — потому что прощаться в этой кутерьме не с кем, — пешком направляемся к Днепру, в надежде попасть на попутную машину. Но поток машин движется только встречный: везут к месту прорыва орудия, танки, боеприпасы. Идем всю ночь, ругая степное безлюдие, пронзительный сырой ветер, осклизлую дорогу, и к утру добираемся уже до рудника «Желтая река». Заходим ночевать в первую попавшуюся хату и тут от хозяйки с удивлением узнаем, что этот, находящийся в шести километрах от передовых, рудник уже возвращается к жизни и не то уже дает, не то скоро даст первые тонны руды. Рудник, оживающий в нескольких километрах от передовой, в зоне, куда, должно быть, до-

летают еще снаряды! Мы спешим на рудник. В самом деле пыхтит дизелек, где-то молотком колотят по железу, наверху копра медленно поворачивается колесико. Значит, лебедкой, вручную кто-то вытаскивает клеть.

У директора много хлопот — полон рот. Урывками, между делом, он рассказывает, что этот рудник немцы захватили целым, что дважды они объявляли в газетах о его пуске и что пустить его им не удалось. А сейчас вот, через неделю после освобождения, рудник готов давать почти половину программы, если была бы энергия.

— Эх, кабы вы нам поскорей Кривой Рог освободили!

В это время распахивается дверь, и в комнату влетает седой, всклокоченный, очень сердитого вида старик. Уже с порога он кричит:

— Ну, что же такое, Василий Федорович! Ну куда это годится! — И, увидев посторонних — военных, смолкает.

— Рекомендую — это товарищ, воскресший из мертвых, единственный в своем роде, — вполне серьезно говорит директор.

— Ну к чему это, Василий Федорович? То ж бабьи разговоры... Как же с канатом будем? Ведь уж говорено, переговорено...

Оба, захваченные своими заботами, забывают о нас. После ухода старика мы атакуем директора, и он рассказывает нам необыкновенную историю этого старого рудокопа.

В свое время немцы широко разрекламировали в своих газетах, что на 1 января 1943 года восстановленный ими мощный железный рудник «Желтая река» должен выдать на-гора первые тонны криворожской руды. Для немецких хищников из концерна «Герман-Геринг Верке», захвативших руды Криворожья, это было событием большой важности. Знаменитый, известный во всем мире железорудный бассейн бездействовал, несмотря на все усилия немецкой администрации пустить в ход хотя бы небольшие шахты. Оборудование было вывезено на во-

сток, рабочие и инженеры уехали в глубь страны, а те, кому почему-либо не удалось эвакуироваться, разбрелись по окрестным деревням, подалее от своих шахт, предпочитая питаться подаванием и умирать с голоду, чем работать на немецких захватчиков. Немцы устраивали по деревням облавы, хватали инженеров, техников, шахтеров, под конвоем гнали их на рудники, угрозой смерти пытались заставить работать. Работая из-под палки, квалифицированные мастера скрывали от врага свое мастерство и называли себя чернорабочими. Вот почему восстановление и пуск рудника «Желтая река» немцы решили обставить с особой пышностью.

В новогоднюю ночь рудник был освещен прожекторами. Военнопленные, пригнанные под конвоем, под надзором немецких надсмотрщиков заканчивали приготовления к завтрашнему дню. Чистили двор, укрепляли парадную арку, сколачивали мостки, по которым должны были пройти гости из Берлина. Все это был народ пришлый, насильно пригнанный. Только один местный житель был среди них — старый горный мастер Алексей Никитович Кущевой. Он сам предложил свои услуги немцам и за это пользовался у них большим доверием. Его возненавидел весь поселок. Никто с ним не разговаривал. И когда он шел улицей на рудник, его провожали гневные взгляды жителей. Кущевой только молчал и хмурился. В эту ночь он руководил украшением шахты. В 11 часов некоторые из работающих видели, как он подошел к директору рудника Иоганну Эберту и попросил разрешения спуститься в шахту, чтобы посмотреть, все ли прибрано под землей. Эберт был доволен. Он ждал наград. Наконец-то ему, первому среди немецких администраторов, удалось подготовить к пуску этот проклятый рудник. Он похлопал пана Кущевского по плечу и угостил его сигареткой. Клеть со старым мастером ушла под землю.

Спустившись вниз, Кущевой внимательно осмотрел вход в штрек, накричал на рабочих, которые разбросали

доски, велел доски поднять и, придиричиво осматривая, все ли в порядке, пошел в глубь шахт. Пока видел его немецкий часовой, стоявший у ствола, он шел медленно, напевая, но, как только он скрылся за поворотом, сейчас же побежал во весь дух в глубь шахты. Там, где галерея шла под рекой и стенки штрека были укреплены с особой тщательностью, он остановился, вынул спрятанный под пиджаком топор и начал быстро рубить подпорки. Он работал яростно, не давая себе остановиться. Подрубленные устои упали, обрушился потолок, и в шахту хлынул сверху мутный, пенистый поток воды. Сделав это, Кушевой побежал во весь дух, но не к выходу, а в глубь шахты. Поток догонял его. Он задышался, падал, вскакивал и бежал все дальше.

На стыке дальних штреков он отыскал запятанный между бревнами пакет с толом, зажег шнур и побежал дальше. Раздался взрыв, гул которого слышали даже наверху. Вода в шахте прибывала такими темпами, что к утру, к назначенному часу, когда на рудник пришел специальный поезд с нацистскими промышленниками, вся шахта вместе с оборудованием оказалась залитой водой. Пуск сорвался. В этот день, не дождавшись прихода поезда с берлинскими гостями, застрелился директор рудника Иоганн Эберт.

Среди стариков по поселку пошел слух о том, что сам бог не дал немцам воспользоваться знаменитой криворожской рудой. Немцы приписали это несчастному случаю. Только немногие рабочие, заметившие исчезновение Алексея Кушевого, с огорчением вспоминали о том, как оскорбляли они его, считая его предателем. С того дня имя этого человека, пожертвовавшего собой, чтобы не дать врагу воспользоваться богатством родной земли, произносилось с уважением.

Но история с этого только начинается. Когда Красная Армия освободила рудник «Желтая река», к нему из окрестных сед стали стекаться оборванные рудокопы. Не-

ожиданно появился человек, поразительно похожий на Алексея Кушевого. Правда, он был без бороды, без усов, но смуглое скуластое лицо с ястребиным носом очень походило на лицо старого мастера. Весь рудник поразился такому сходству. И поразились еще больше, узнав, что это не кто иной, как сам Кушевой — живой и здоровый. Оказалось, осуществив свой замысел, ради которого он и пошел на работу к немцам, старый мастер, знавший шахту, как собственную квартиру, по вентиляционному отверстию поднялся наверх и вышел через щель. С того дня он скитался по селам, занимаясь чеботарством. Но как только родной рудник был освобожден, он тотчас же «воскрес из мертвых» и теперь самым деятельным образом участвует в его восстановлении. Мы нашли потом старика на рудничном дворе. Он был деятелен, полон энергии и сердит. Присели с ним у копра на опрокинутой вагонетке. Южный ветер доносил гром канонады, а рудник уже воскресал.

Дома нам с Ковановым вручается два телеграфных вызова на праздник в Москву. Мы пускаемся в пляс. Остальное — дело минут. В 12 часов мы уже сидим в штабном самолете и чувствуем себя в нем Иван-царевичами, летящими на волшебном ковре. Разве не странно — в один день перелететь из пекла заднепровской битвы в далекую Москву к родным и желанным.

Подъезжаем к Москве — салют! Первый салют, который мне доводится видеть. Кого же приветствует Москва сегодня, в канун нашего великого праздника? Весь горизонт освещен необычным разноцветным мерцанием, трепетом ярких, прозрачных, чистых огней.

Считаем залпы. Двадцать второй, двадцать третий, двадцать четвертый... Машина вдруг притормаживает. Из машины высовывается Кованов, сидящий у руля. Что освободили? Первый же регулировщик у Подольска, вме-

сто обычных слов: «Товарищ майор, разрешите обратиться к водителю», произносит восторженно, не до военному:

— Киев. Освободили Киев. Москва стреляет за Киев!

В предместье за контрольно-пропускным пунктом под черной трубой репродуктора стоит огромная толпа. Пока проверяют наши документы, мы слышим, как, покрывая все дорожные шумы, звучит ровный, знакомый глуховатый голос, который, раз услышав, узнаешь потом среди миллионов голосов.

— Давно говорит? — спрашивает Кованов, втираясь в толпу.

На него шикают:

— Тише. Не мешайте. Только начал.

Очутившись в толпе, мы замираем вместе с ней. И вдруг перед глазами моими отчетливо вырисовывается давнишняя картина, которая никогда не забудется и не потускнеет в памяти.

Раннее июльское утро 1941 года. Город Великие Луки, уже ставший прифронтовым. Тяжелый и приторный запах цветущих лип, смешанный с горьким запахом гари. Улица разрушена вчерашней бомбардировкой. Кровавые лохмотья на уцелевших стенах. Трупы, лежащие в сторонке, в тени молодого тополя, — молодая красивая женщина с окровавленными пышными волосами и две похожих на нее девочки, которые, прикорнув к ней, точно заснули возле матери. Простоволосая старуха, рыдающая над ними.

А мимо по разбитому большаку, обтекая выбитые на земле воронки, льется непрерывный поток беженцев.

Грохочет канонада. Тревожно свистят паровики, передвигая на путях эвакуируемые эшелоны. Скрипят, стучат телеги беженцев.

И вдруг в эти тревожные, мятущиеся звуки врывается вот этот же голос, спокойный, неторопливый, знакомый каждому. Он слышится из пробитого осколком репродук-

тора, висящего на израненном телеграфном столбе. Говорит Сталин. И сразу же у репродуктора вырастает вот такая же большая, плотная молчаливая, жадно слушающая толпа. Сталин говорит в страшный час, когда у многих, даже испытанных и закаленных людей дрогнуло сердце. Он говорит спокойно, и в этом мудром спокойствии — великая необоримая сила. Сталин не смягчает остроты положения и никого не старается утешить. Он требует, чтобы каждый понял всю глубину опасности, угрожающей его родине. Но орлиным своим взором он смотрит в будущее, он видит нашу победу и неминуемую гибель не знавшей тогда поражения, покорившей полмира, немецкой армии:

«И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что вся гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма», — говорит он.

Эти слова — точно живая вода для растерянных, убитых горем людей. Толпа растет и еще плотнее сдвигается у репродуктора.

Над городом плывут рыдающие звуки воздушной тревоги. Но, покрывая их, звучит тихий мудро-спокойный голос. Сталин требует, чтобы сейчас, в суровую для родины минуту, каждый советский человек воспитал в себе неотъемлемые качества большевика — храбрость, отвагу, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Он говорит о неминуемости нашей победы и указывает каждому его место в великой борьбе. И эти слова, указывающие путь к победе над врагом, успокаивают смятенные души.

Вдали слышен нарастающий, вибрирующий звук моторов немецких бомбардировщиков. Снова и снова воют сирены. Где-то, совсем недалеко, уже глухо ухают разрывы. Облака гари и известковой пыли встают над городом,

но на площади — тишина. Здесь слушают Сталина, и ничто не может оторвать людей от репродуктора, из которого льется его голос, как нельзя оторвать жаждущего путника, приникшего воспаленными губами к светлудому и чистому источнику.

Я вижу на лицах торжественное внимание.

Вторично я услышал этот голос в землянке, на берегу замерзшей Волги, у города Калинина, находившегося тогда в немецких руках. Здесь помещался командный пункт батальона капитана Медведева, единственного батальона, еще цеплявшегося за крайние домики Затверечья. По традиции советских людей, капитан решил отметить Октябрьскую годовщину боевым подарком и в честь нее отбить у немцев несколько блиндажей на левом берегу Волги.

В землянке тесно, душно и дымно. До сигнала атаки осталось больше часа. Обычно это время заполняется возбужденными разговорами, а тут — тишина.

Я вышел из землянки. Пронзительный, промозглый ветер гнал липкий снег. За шелестящей косой снежной сеткой ворочалось тяжелое кровавое зарево. Это горел мой родной город. И сердце сжималось от острой боли: как это мы сюда допустили? Как это могло случиться?

Кто-то, выбсжав, возбужденно крикнул:

— Сталин! Сталин говорит!..

Мы бросились вниз. Люди сгрудились у рации. Они жадно ловили прорывающийся в эфире сквозь шум и треск знакомый, глуховатый, неторопливо спокойный голос. Сталин в Москве! Он на трибуне в этот дорогой каждому из нас день! Он говорит со своим народом! Его голос долетает сюда, на передовую, в маленькую дымную землянку у занятого немцами города Калинина! Жадно ловим его слова.

В землянке такая тишина, что в паузах слышно, как там, на трибуне, булькает вода, наливаемая в стакан, как

свистит над землянкой ветер, как шелестит сухой снег. В словах, несущихся из полублокированной Москвы, столько мудрого спокойствия, столько могучей уверенности в победе, что легче становится на душе, и уже не страшны ни перенесенные бедствия, ни жестокие бои будущего, ни смерть. Он сказал: «Мы победим!» Он с нами, а он — это победа! Он — немеркнувшее величие и слава нашей родины.

«Никакой пошады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам», — звучат чеканные сталинские фразы, и бурные аплодисменты, несущиеся из Москвы, сливаются с дружными аплодисментами, раздающимися тут, в дымной и полутемной землянке. Мы аплодируем вместе с теми, кто слушает его в зале, вместе с ними смеемся мы сталинской шутке о льве и котенке, а когда в рупоре звучит вещий, полный спокойствия и могучей уверенности сталинский призыв: «Наше дело правое—победа будет за нами!» — мы все, сколько нас было в землянке, вскакиваем, бешено аплодируем, и комбат кричит, размахивая раненой рукой:

— Да здравствует товарищ Сталин!

Через несколько минут во взводах уже знают, что Сталин говорил в Москве. Через полчаса начинается атака. Бойцы идут в бой в свистящую пулями ночь, неся в своем сердце сталинские слова. К полуночи они вырывают у врага тринадцать блиндажей над Волгой. Только тринадцать блиндажей! Весь освобожденный участок можно обойти за пять минут. Но все теперь думают, что взятие этого маленького клочка земли, эта маленькая победа вырастет, как вырастает могучий дуб из жолудя, в великую нашу победу.

Через два года после той вьюжной ноябрьской ночи слышим мы снова речь нашего маршала. Сбылись его слова, сказанные из полублокированной Москвы. Только что погасли ракеты торжественного салюта в честь Киева. Солдаты и офицеры наших наступающих армий слу-

шают речь Сталина в степях Криворожья, в лесах Гомельщины, в старинном городе Невеле, в сотнях верст от родной Москвы, — и всюду под их ударами немецкие армии продолжают ползти назад.

Я оглядываю лица слушателей. Штатские и военные, рабочие, возвращающиеся со смены, регулировщицы, отстоявшие свои посты, шоферы и пассажиры проходящих машин — все вокруг рупора.

Каждый, кто хоть раз слышал этот глуховатый, мудро-спокойный в минуты великих радостей и в минуты тяжелых бед голос, кто постиг глубину его простых мудрых слов, тот навсегда их запомнит. С ним не страшен ни гром орудий, ни огневой вихрь атак, ни бессонные ночи у станка в холодном, еще непокрытом цехе выстроенного в степи завода.

Сталин с нами — с нами победа! Сталин сказал — значит, так будет.

ЯНВАРЬ, 1944 год

Части нашего фронта взяли Верхнеднепровск, Крюков, освободили древний украинский город Чигирин, в котором начинал свою деятельность Богдан Хмельницкий. Комбинированным ударом пехоты и артиллерии в лоб, авиадесанта с флангов и партизан по тылам — освобождены Черкассы. Соседи слева взяли Днепропетровск и Днепродзержинск и углубились в Заднепровские степи. Соседи справа, отделенные, правда, от нас упирающимся в Днепр клином, который немцы зовут смельско-мироновской дугой, вышли далеко за пределы Киевской области.

Последняя наша победа — овладение Знаменкой, этим солнечным сплетением всех железных дорог правобережной Украины, и наведение железнодорожных мостов через Днепр в районе Крюкова и Черкасс — значительно упрочила стратегическое положение войск нашего фронта. Сейчас, когда освобождены Новая Прага, Александрия, Адженка и другие крупные и мелкие населенные

пункты, которыми немцы прикрывали правую сторону своей смельско-мироновской дуги, когда наши части стоят уже у Смелы и ведут бои на Кировоградском плацдарме, следует ожидать новых наших ударов огромной силы и значения. Мне говорили, что командующий целыми днями не вылезает из своего виллиса, разъезжая по частям. Это верный признак того, что где-то уже собираются силы удара.

Немцы всеми силами держат Кировоград. Ведь это основной бастион, прикрывающий их части, расположенные в смельско-мироновской дуге.

Но в танковом бою ротмистровцы смяли немцев, подбили и захватили около пятидесяти машин и вырвались на северо-западную окраину Кировограда. Вторая группа танков от селения Червонный Яр рванулась на запад, перехватила уже все грунтовые магистрали, питающие многочисленный гарнизон города и всю кировоградскую немецкую группировку. Все коммуникации перехвачены. Напор на город все возрастает, и исход битвы, вероятно, решится через несколько часов. Вот классически завершённый маневр!

Мы едем по дороге наступления и всюду видим его победные следы...

У леска, на развилке, усатый сапер-украинец шарит по снегу своей миноловкой. Мы просим указать нам дорогу. Он улыбается в свои прокуренные усы и вдруг неожиданно спрашивает:

— Не желаете ли побачить германский зверинец? Ось тут недалечко. Дуже много их учора тут побили. Вин у той балочки, за тий деревенькой.

Лицо у сапера такое хитро-довольное, и так ему, видимо, хочется, чтобы мы «побачили» немецкий зверинец, что мы свертываем с дороги в ложину.

Сапер был прав: стоило дать небольшой крюк, чтобы посмотреть на фашистский зверинец, укрощенный волей советского человека. У самой дороги «тигр» с поворо-

ченным лбом, — грозная броня разнесена снарядом тяжелой пушки. Чуть дальше — груды стальных обломков, разбросанных по снегу. Только по четырехугольной подбашенной площадке, к которой приварена «на счастье» подкова, да по нарисованной звериной морде с оскаленными зубами можно догадаться, что это остатки «тигра». Бронебойный снаряд пробил его бортовую бронь, зажег бензиновый бак, и взорвавшиеся боеприпасы разнесли стальное чудовище на куски. Еще дальше — «тигр» с подбитой гусеницей. Земля кругом него вся вспахана и изборождена. Чувствуется, что раненый танк долго агонизировал, отчаянно боролся за жизнь. Экипаж попытался бежать, забыв даже зажечь машину. Но ушел он недалеко. Три трупа, скошенных автоматной очередью, уже запылило тонкой пеленой снежка. Остальные «тигры» сожжены.

Наш шофер Петрович на предельной скорости, на какую только способен старый мотор нашей ядовито-зеленой, пятнистой эмки, разбрызгивая грязь и талый снег, несется по шоссе через опасный отрезок, и мы врываемся в каменный жолоб улиц.

Здесь умудренный войной Петрович сразу сбавляет ход.

Город цел. Его не успели ни зажечь, ни взорвать. Несколько солдат возятся на площади у большого здания церкви. Здесь же встречаем первых жителей — человек десять, не больше. Они помогают бойцам выводить из церкви короткохвостых упитанных коней. Рябой солдат ворчит, дергая за повод огромного першерона:

— Вот наказание, ни черта по-русски не понимает. Ему «тпру», а он идет, ему «но», а он стоит. Хоть переводчика нищи.

У немцев в соборе была конюшня. Поднимаемся на высокую паперть. Сапер предупреждает: «Осторожней!» Он показывает на шнур. Потом ведет вниз и сквозь слуховое окно подвала электрическим фонариком освещает зало-

женные у фундамента перевязанные проводом пакеты тола. Шнур тянется на улицу. Немцы не успели его поджечь. Такие же фугасы найдены под мостом, под зданием почты, под домом, где помещалось гестапо. Здорово же торопились господа немцы, если не успели даже чиркнуть спичкой! Впрочем, сейчас они, должно быть, оправились и, уцепившись в северо-западной части города, где-то в предместье Лелековка, начали непрерывные атаки.

Сюда они стащили все, что уцелело у них после боя на Кировоградском плацдарме.

По глубокому ходу сообщений подходим к большому четырехэтажному дому на окраине города. Здесь артиллерийский наблюдательный пункт капитана Гусева. Из окна видна вся Лелековка, расположенная в долине на пологих берегах реки Ингул. Гусев, как гостеприимный хозяин, пододвигает к окну кресло. Мы долго наблюдаем картину боя.

Немцы расположили свою оборону полукружьем по околице деревни. Сверху отчетливо видны черные зигзаги свежих окопов, пулеметные гнезда. Танки стоят в глубине села, за стогами соломы. Немцы думали, что они замаскировались, но сверху отлично видны вспышки выстрелов. Откуда-то из-за деревни бьют немецкие батареи, но бьют осторожно, должно быть, опасаясь, что их засекут. У немцев здесь много артиллерии, но гул ее тонет в непрерывном грохоте нашей канонады.

Сверху видно, как вихри артиллерийских разрывов мечутся над деревней. Облако порохового дыма стоит над горизонтом. Непрерывно, звеньями, волна за волной, со скребущим ревом проносятся над нами штурмовики «Ильюшин-2». Они летят так низко над деревней, над немецкими позициями, что порой исчезают совершенно в пороховом дыму, и только слышится характерный кричающий звук разрыва их бомб и легкий треск пушек — знаменитых пушек, пробивающих танковую броню.

Мы долго любуемся картиной величия и торжества нашей техники. Капитан Гусев говорит:

— «Если враг не сдастся,— его уничтожают».

Освобожден приднепровский город Канев. Очищена от врага святыня украинского народа—могила Тараса Шевченко близ Канева, на Чернечьей горе.

Вот он — исторический холм, где, согласно «заповиту», похоронен прах Шевченко. Ступеньки ведут наверх. За годы немецкой оккупации ступени поросли бурьяном. На вершине холма могила — черная плита с золотыми буквами, высокий цоколь памятника, бронзовая фигура, задумчиво шагнувшая вперед. Все это — и Днепр, и холм, и бронзовый Тарас — сливается в один могучий образ шири и мощи.

Красивое, просторное здание музея пусто. Стекла выбиты. Грязь, хлам. Толстый слой льда на полу. Музей ограблен дочиста. На растопку печей в блиндажах пошли редчайшие издания книг поэта.

Когда фронт придвинулся вплотную к Днепру и наши части заняли позиции на противоположном берегу реки, немцы затеяли одну из самых гнусных провокаций. Они устроили на соседних с могилой холмах окопы и дзоты, а за самой Чернечьей горой расположили свои батареи. Расчет был прост: вызвать ответный огонь и заставить нас самих разрушить могилу Шевченко. Ежедневно с утра немцы начинали из-за холма обстрел. Их батареи били с особым упорством и назойливостью. Немецкий артиллерийский наблюдатель, ничуть не маскируясь, сидел в окне музея, из которого побережье в ясные дни видно на десятки верст, и хладнокровно корректировал стрельбу.

Так длилось несколько дней, но нервы у нас оказались крепкими. Ни один снаряд не упал на Чернечью гору. Зато наши артиллеристы, точно определив звукометрическими приборами нахождение немецких батарей за горой,

навесным огнем разнесли немецкие пушки. Наши части искусным фланговым обходом заставили немцев панически бежать — и так спасли могилу Шевченко от разрушения.

Корсуньское сражение близится к концу. Но, сконцентрировав свои силы на крохотном плацдарме, немцы отбиваются с удесятенной яростью.

Лечу дорогами Корсунь-Шевченковского наступления. Уже от Лебедина мы видим на дорогах вмерзшие в землю машины, подводы, транспортеры. Чем дальше в глубь кольца, тем эти следы отчетливей, обширней. Улицы громадного села Городище заставлены, завалены немецкой техникой. А вот, наконец, и Корсунь. Так же, как и в Городище, улицы, переулки, бульвары, садочки забиты танками, пушками, фургонами, машинами. Здесь, в городе, с самолета видно то, что в поле прикрыла метель, — вражеские трупы, масса трупов — на мостовых, на тротуарах, на перекрестках улиц. За Корсунью большой немецкий аэродром, заставленный тяжелыми грузовыми самолетами.

На танке еду в Стеблево, нахожу в направлении к Шандеровке штаб одной из танковых бригад, и вскоре перед нами открывается зрелище поля великой корсуньской битвы.

Всюду, куда только хватает глаз, видны оледенелые трупы врагов и разбитая техника: повозки, разнесенные в щепки снарядами, остовы сгоревших машин, брошенные батареи, зарядные ящики...

Заснеженное поле у деревни Комаровка. Здесь происходил финал великой корсуньской битвы за Днепром. Многотысячная колонна немцев была пропущена первыми цепями пехоты, а затем взята в клещи, накрыта ураганным артиллерийским огнем и разбита, расстреляна, раздавлена вырвавшимися из засады советскими танками.

Почевать захожу в шапдеровскую школу — одно из немногих уцелевших зданий, где бивуачным порядком расположился штаб танковой бригады. Командир бригады, подполковник Сухотин, оказался гостеприимным хозяином. На огонек входят командиры почующих здесь частей.

Как водится, разговор заходит о только что завершённой операции. Так как тут собрались участники битвы, нетрудно восстановить по их рассказам полную картину того, что произошло тут вчера.

Окруженные немцы, подгоняемые отчаянием и страхом расплаты, отбили у нас эту деревню. Поднялся буран. Немцы решили воспользоваться погодой и дать остаткам своих дивизий возможность привести себя в порядок. Немцам казалось, что метель надежно защищает их от артиллерийского огня и исключает всякую возможность вылетов авиации.

Страшна была последняя ночь окруженной немецкой группировки. Как стая обезумевших от голода грызунов, набрасывались немцы на хаты жителей, на кладовые и клуны. Все съестное, что удавалось найти, немедленно пожиралось. Мычали пристреливаемые коровы, их тут же рубили, рвали на части, варили и жарили на разведенных на улице кострах, даже на пламени пожаров, насадив кусок мяса на штык винтовки. Вокруг пойманной курицы развевались кровавые потасовки и перестрелки.

А пока немцы так «отдыхали», генерал армии Конев, прибыв в деревеньку Маринец, готовил последний удар. Он решил нанести его, не дожидаясь конца бурана, и действовал быстро. Вся узкая горловина переграждалась пятью поясами войск — артиллерийскими, пулеметными огневыми заслонами, повернутыми в обе стороны, пехотными засадами, перед которыми была поставлена задача, чтобы «заяц не проскочил» через горловину.

С вечера, когда разыгралась метель и немецкие атаки с обеих сторон кольца стихли, началось перемещение войск, занимавших новые позиции. Проламывая грудью сугробы, шли танки. Артиллеристы своими руками перекатывали пушки. Согласно усилия человеческих волей делали то, что бессильны были сделать самые совершенные и мощные тягачи. Пулеметчики копали гнезда на опушках и на высотах, долбя лопатками замерзшую землю.

Генерал армии приказал поднять по тревоге в двадцать два часа полк легких ночных бомбардировщиков. Он подозвал к аппарату командира полка, велел передать летчикам обстановку и вызвать охотника лететь в этот буран бомбить немцев в Шандеровке. Желающим было предложено шагнуть вперед. Шагнул весь полк.

Казалось совершенно невероятным подняться с аэродрома. Буран вздымал тучи снега. Темно. Ветер все время крепчал. Но через час над Шандеровкой, сквозь вой метели, послышалось тарахтение моторов. Снежную мглу потрясли взрывы. Огненный столб прошел пелену бурана. Загорелась какая-то хата. Над последним прибежищем немцев встал светящийся маяк, на который теперь уже безошибочно летели остальные самолеты. Зарево, поднявшееся над Шандеровкой, было хорошо видно и с земли. Это дало прицел артиллеристам. Теперь уже не только снежный, но и огневой вихрь ревел и кружился над выбегавшими из хат немцами. Оставаться дольше в Шандеровке было уже невозможно. При огромной скученности каждый осколок бил в цель, каждая пуля находила жертву. Потери от огня становились все более ощутительными. Это заставило немецкого генерала предпринять шаг, продиктованный отчаянием. Он приказал построить выбитые из Шандеровки войска в две громадные многотысячные колонны. В острия их были поставлены остатки эсэсовских частей «Викинг» и «Валония». Они должны были сыграть роль бивня, который рассечет на-

ши заслоны и пробьет в кольце брешь. За бивнем должна хлынуть остальная масса и в центре ее — штабы со всем своим добром. Перед выходом солдатам были даны пятидневные порции водки.

К концу ночи две гигантские колонны, растянувшиеся на много километров и заполнившие все поля и лощины, тронулись на юг.

Коневу тотчас же доложили о движении этих двух колонн. Не трогая свои резервы, он приказал стоявшим на передней линии войскам отбивать натиск. Завязался бой. Вражеская масса была так велика, что наши передние цепи несколько подались назад. Колонна втянулась в лощину, наполнив ее до краев гигантской живой, орущей толпой. Вот тогда-то и был дан приказ открыть по ним с фронта и с фланга шквальный, все сметающий огонь. Заговорила артиллерия, зарокотали «Катюши», немцам негде было укрываться в голых лощинах. Огневой вал косил их, как траву. Тогда эсэсовские передовые части рванулись на юг, туда, где, как им казалось, их ждет спасение. Но оттуда, с опушки леса, их встретил пулеметный ливень. Они бросились назад. Около часа гремела артиллерия. Немецкие колонны, еще недавно дисциплинированные, спянные страхом смерти, превратились в воющую от ужаса массу, мечущуюся по полю. Целые группы откалывались от нее, поднимали руки, сдаваясь в плен. Их тотчас же отводили в тыл, продолжая уничтожать упорствующих.

Вот тут-то генерал Конев и ввел в бой танки и кавалерию. Танки молча, без выстрела, носились по полям, давя и кромсая убегающих немцев. Казаки уничтожали их шашками. Бой длился до утра. Когда рассвело, отдельные немецкие офицеры, сплотив вокруг себя боевые группы, еще пытались пробиться через лес. Но ни одной группе не удалось переступить этот «круг смерти», как назвали его уже пленные солдаты. Кавалеристы и автоматчики все время прочесывали рощи. К сумеркам корсуньское по-

боище было завершено. Генерал армии Конев возвращался в свой штаб на танке.

Танк его встретил несколько завязших в грязи вездеходов со снарядами. Командир колонны, младший лейтенант, остановил танк и потребовал у рослого, плечистого танкиста, стоявшего в командирском люке, чтобы тот помог вытащить застрявшую машину. Танкист ответил, что везет важное письмо в штаб фронта и очень горопится. Тогда лейтенант бросился навстречу танку, как будто бы в его силах было остановить стальную громадину:

— Ты что же, друг, русского языка не понимаешь, что ли? Тебе не стыдно, браток? Гам наша бригада, слышишь, бой ведет, последние боеприпасы добывает, а тебе лень машины со снарядами вытащить? Не пропущу, поезжайте через меня!

Рослый танкист улыбнулся, соскочил на снег и приказал экипажу вытаскивать из грязи завязшие вездеходы. Сам же нетерпеливо похаживал по протоптанной дорожке, покуривая и все время посматривая на часы. Кто-то тихонько шепнул лейтенанту, что это не танкист, а командующий фронтом. Юноша робко подошел к тому, кого принимал за несговорчивого командира танка, вытянулся, хотел пробормотать формулу официального извинения, но Конев перебил его:

— Правильно действовали. Молодец! Как ваша фамилия? Пастухов? Молодец, лейтенант Пастухов! Спасибо за службу.

Он пожал лейтенанту руку и легко взобрался на брону танка.

Только что мы расположились на свежей соломе, как в комнату влетела взволнованная радистка с криком:

— Важное сообщение!.. Сейчас будет важное сообщение!

Накинув шинели, мы вышли в соседнюю комнату. Знакомый голос Юрия Левитана читал сталинский приказ. Великий маршал назвал курсунское побоище вторым Сталинградом. За умелое руководство операцией генералу армии Коневу объявлена личная благодарность.

Командующий развернул свои части на юг и бьет под основание танкового клина генерала Хубе, еще вытягивающегося по направлению к Корсуни. Очень хочется поехать туда.

Летим самолетом.

В полку самоходных орудий соседнего фронта, в двух километрах от передовой, у летчика сорвало шлем и поцарапало ему голову. Меня слегка контузило. Словом, как писали раньше в хронике происшествий, потерпевшие отделались «легким испугом». И... залетели к немцам. Нам стреляют в спину. Бьют автоматические зенитки. Ранят наш самолёт и летчика, но мы приземляемся у своих. Мы сразу, как говорится, с ходу становимся с самоходчиками друзьями. Командир полка ведет нас в дом лесника, где он сейчас квартирует. Тут неожиданно, точно в старой сказке, к нашим услугам «скатерть-самобранка» и мягкие постели.

Все это возникает среди леса точно по волшебству. В довершение волшебства, появляется дочь лесника Клава, настоящая русская красавица в расцвете лет. Клавдия и ее мать, тоже очень высокая, дородная, в молодости, должно быть, красивая женщина, ухаживают за нами, как за родными. Только вчера вышибли немцев из этого леса. И наши хозяева не знают, как выразить свою радость. В доме их трое: мать, Анна Ивановна, дочь ее. Клава, и маленький Юрик, сын Клавы, задумчивый карапуз, только что научившийся ходить и знающий только одно слово — мама.

— А муж где? — спрашивает подполковник Клаву, которая своими большими, сильными руками ловко, хотя и неторопливо, хозяйничает за столом.

— А нема мужа, — говорит она и вдруг краснеет до самых ушей.

— А Юрик?

Клава бросает полотенце, подхватывает мальчугана и убегает в соседнюю комнату. Настает долгая, тягостная пауза. Хозяйничает за столом Анна Ивановна. С украинским гостеприимством предлагает она нам все, чем славилась до войны хлебосольная Украина.

— А где же Клава? — спрашивает подполковник.

— А там, — кивает Анна Ивановна за переборку. — Смутили вы ее, товарищ командир.

— Чем же смутил? О малыше спросил — и все. Ведь он же ее сын. Что же тут для матери стыдного?

— Та ни. Дивчина она, понимаете? Юрик-то у нее...

Присев к столу у самовара, Анна Ивановна рассказала нам интересную, необычайную историю этой лесной красавицы. Когда немцы пришли к ним, Клаве шел шестнадцатый год. Немцы сразу же начали мобилизацию молодежи на работу в Германию. По деревням были даны жесткие разверстки. Клава, выросшая в лесу, никогда ничего не боявшаяся ходившая с отцом на волков и медведей, решительно заявила матери: лучше в петлю, чем в немецчину.

До войны лесник жил зажиточно. Хотя муж и два сына ушли в армию, хозяйственная Анна Ивановна еще до оккупации успела закопать свое добро и попрятать в лесу скот. Заколов семипудового боровка, она отвезла его в село старосте: только не трогайте дочь. Староста боровка принял, обещал помочь, и действительно до осени 1942 года девушку не трогали. Но осенью началась новая мобилизация. Теперь уже деревни «стригли под гребенку». Огромные партии молодых невольников под конвоем солдат гнали по дорогам на Христиновку. Теперь уже не ис-

силы повесток. Отряды СА приезжали в деревню, блокировали ее, устраивали облавы, всех схваченных тут же бросали в машину и увозили, не давая даже проститься с родными. Анна Ивановна поклонилась старосте вторым боровком. Тот опять благосклонно принял взятку, но сказал, что на этот раз помочь он уже не в силах, что сейчас берут и кое-каких, без разбору, а Клава — красавица на всю округу, и что у него одна голова. Впрочем, он посоветовал сходить в Звенигородку, к немецкому гебитс-комиссару и сказал, что он может вычеркнуть Клаву из списка отправляемых. Анна Ивановна откопала из земли два праздничных мужниных костюма и отнесла их немцу. Гебитс-комиссар костюмы тоже взял и сказал, что пусть фрейлен Клава попробует зарегистрировать брак и ребенка, тогда, быть может...

Среди своих деревенских нашелся хороший человек, инвалид, который дал согласие обвенчаться для формы. В деревне же взяли новорожденного, мать которого умерла от сыпного тифа. И вот в немецкой гебитс-комендатуре были одновременно зарегистрированы брак и ребенок. Не спасло и это. Отряды хватали всех. Ночью мобилизационный отряд схватил и Клаву. Она отбивалась кулаками, кусалась. Ее оглушили прикладом и без чувств бросили в кузов грузовика.

Анна Ивановна безутешно оплакивала свою дочь, как вдруг месяца через полтора, ночью, дверь хаты открылась и в ней появилась Клава. Мать не узнала ее, такая она была худая, оборванная, черная. Она рассказала о том, что бежала из эшелона. Мысль о побеге не покидала ее с того самого момента, как запертый вагон, в котором находилось пятьдесят две девушки, двинулся в Христиновку. Сколько времени и куда они ехали, Клава не знала, так как вагон был заперт, а на станциях их выпускали только ночью, под строжайшим конвоем. Все попытки девушек бежать из эшелона на стоянках срывались. Нескольких при этом часовые пристрелили. У Клавы роди-

лась такая мысль. Разобрать посредине вагона пол, и когда поезд будет ночью тихо подходить к какой-нибудь станции, опуститься на руках в пролом, коснуться ногами земли, а потом падать лицом вниз.

Решились на это трое. Первой прыгнула Клава. Было очень страшно. Все казалось, что ось вагона стукнет ее по голове. Но обошлось. Девушка только поцарапала себе лоб, а две другие, прыгавшие вслед за ней, отделались синяками. Они пролежали на полотне, пока поезд не прошел над ними. Потом ушли в сторону, вымазали себе лицо и руки в золе и окольными путями, обходя крупные селения, питаясь травой и подаянием, ночуя в стогах соломы, двинулись домой. Бежали они где-то у Бреста, прошли через Ковель, Шепетовку, Бердичев и добрались до родных краев.

Умань взята. Это событие первейшей важности. Теперь нам открыты основные дороги на Южный Буг, веером отходящие от этого старинного украинского города.

По чудесному солнечному краю привольно течет Буг, орошая плодороднейшие поля Украины.

Но пусты и полуразрушены огромные колхозные дворы. Обветшали, покосились спрятанные в вишневых садочках хатки. И люди этого богатейшего края выглядят из-за покосившихся плетней, оборванные, едва прикрытые жалкими лохмотьями.

Южный Буг являлся границей «немецких интересов». За Бугом захватчики отдали край на разграбление румынам. По реке, по обе стороны, ходили даже пограничные посты. Впрочем, посты не меняли дела. И немцы, и румыны с одинаковой жадностью грабили Прибужье, высасывая из него все соки, вывозя отсюда все, что можно было вывезти, до последнего зерна. И теперь там, где до войны закрома и клуни ломились от запасов, видишь людей, падающих от голода.

Раненый танкист, сидящий на камешке в ожидании по-

путной машины, участник и очевидец форсирования Буга, которое произошло сегодня утром, помогает восстановить картину битвы. Первые танковые группы генерала Богданова ворвались сюда как раз в тот момент, когда у немцев движение по мосту на тот берег было приостановлено, а с того берега, не выставив заслонов перед рекой, переходила сюда свежая немецкая дивизия. Командир танкового отряда решил частью танков с ходу атаковать толпу у переправ, а другой частью броситься на мост, навстречу марширующей пехоте, и, давя ее, перескочить на тот берег. Отряду штурмовых саперов, которых танкисты привезли на броне, было приказано немедленно бросаться в воду, переплывать реку кто как сумеет и захватить, а если не удастся, — сызнова навести переправы.

План этот был выполнен.

Войска, преследуя немцев, идут сейчас основными магистральями. Сверни чуть в сторону от дороги — и не встретишь ни одного солдата. Заезжаем в одно такое село — Александровку. Кавалеристы, освободившие его утром, давно прошли. На улице нас остановил пожилой, интеллигентного вида мужчина с повязкой Красного креста на рукаве. При нашем приближении он сорвал с плеча винтовку и, наведя ее мне в лоб, неистово закричал: «Стойте!»

Озадаченные таким приемом, спрашиваем, в чем дело, опасаясь при этом, что старательный старец влепит пулю, прежде чем все разъяснит. Оказывается, что войска уже прошли, а местные гражданские власти еще не приехали. Партизаны, собрав сельский актив, выделили людей, которым временно поручили охрану порядка. Человек с повязкой Красного креста — врач, Георгий Алексеевич Коваль. Столь нелюбезный прием объясняется тем, что мы приехали на трофейной машине, на которой даже сохранился немецкий войсковой номер. Нас приняли за перешедших немцев.

Георгий Алексеевич очень старательно выполняет свои обязанности. Он долго рассматривает наши документы, сличает фотографии с оригиналом, и наконец, убедившись, что все в порядке, опускает винтовку и неожиданно спрашивает:

— Вы разрешите вас обнять?

События опять разворачиваются так быстро, что нам, журналистам, приходится их догонять, в буквальном смысле этого слова, потому что поспеть за ними просто невозможно. А так как корреспондентские машины все еще торчат в грязи, где-то в пятистах километрах от нас, а самолеты сейчас достать трудно, мы с капитаном Костиным сегодня решили «голосовать».

Просто вышли на дорогу, подняли руки, остановили первый же шедший к Днестру груженный сухарями студебекер и отправились в путь. Опыт подсказывал, что поток машин всегда приводит к наиболее активным участкам наступления. Так и вышло. Машина шла на Ямполь — маленький городок на берегу Днестра.

Медленно потянулась под нами совершенно раскисшая грязная дорога. Огромный, похожий на слона, грузовик, напрягая все свои силы, порой полз не быстрее улитки. Но мы все же продвигались. И когда какая-нибудь из машин колонны застревала в грязи, все шоферы и все случайные пассажиры спрыгивали в грязь и выталкивали ее на сухое место.

Раскисшая, холодная, набухшая весенней влагой степь медленно разворачивается перед нами. Хлюпает, чмокает, плещется грязь. Стаи небольших степных орлов ходят кругами в уже синеем небе, и какие-то серые птицы с бакенбардами большими круглыми глазами смотрят на нас с телеграфных проводов.

В одном месте мы медленно обгоняем интересную про-

цессию, движущуюся в стороне от дороги. По полевой тропе, проторенной среди изумрудной озими, гуськом, по одному, идет длинная вереница людей с мешками через плечо. Впереди, опираясь на палку, шагает седой старик. За ним девушки, подростки, женщины. Из мешков торчат головки снарядов.

Это какое-то село помогает наступающим частям.

Сколько мы видим сейчас таких примеров, когда освобожденное население по своему почину приходит на помощь Красной Армии! Жители Умани сами, по своему почину, за несколько часов восстановили взорванный немцами мост. Железнодорожники станции Христиновка в день прихода Красной Армии созвали митинг и обратились с призывом ко всем, желающим помочь своими силами восстановить этот важный узел. Шесть тысяч человек откликнулось на призыв. Они работали день и ночь. Когда командованию сообщили, что узел готов принять поезда, этому даже сразу и не поверили.

Студебекер шел полным ходом, и мимо нас мелькали домики, по своей архитектуре уже отличающиеся от беленьких хаток остальной Украины. Они были ниже, шире, с проходом посредине, а некоторые — с подобием терраски по фасаду. Стены их были окрашены в рыжий, серый, синий цвета. На некоторых попадались барельефы то в виде выпуклых каемок, то в виде каких-то рисунков из звездочек и кружков.

Но что особенно бросалось в глаза, так это обилие самых разнообразных надписей на стенах. Этот вид литературы появился на дорогах еще до Умани, когда наше наступление начало бурно развиваться, а тылы отставали от передовых частей и найти кого-нибудь в этом непрерывном движении было очень трудно. Но здесь эта литература достигла полного расцвета.

«Кучеренко. Мы в Ямполе. Влезжай скорей, хозяин ру-гастся».

«Сидоров и Зубков. Мы здесь, в третьей хате у колдца».

Наконец, кто-то на крайнем доме, видимо, выйдя из себя, написал углем: «Кучеренко, чорт, сколько можно ждать... Майор тебе всыплет».

Минуем Ямполь, маленький, рассыпанный по берегам скалистых оврагов городок, как свечка, горящий в безветренной тишине прохладного весеннего утра. Пусто, и страшно, и тягостно в этом горящем городке. По некоторым улицам из-за пожара нельзя проехать. Регулировщики направляют наши грузовики на окраину, и вот из-за черного дыма, как выхваченная из ножен шашка, сверкнул на солнце Днестр, вторая река, которой мы достигли в эти знаменательные десять дней.

За Днестром — серые высокие скалы, зеленые холмы, и среди них россыпью домиков белеет город Сорски. Молдавия. Не терпится скорее туда. Но переправу только что разбомбили мабсовым налетом, продолжавшимся около полутора часов.

Приходится ждать.

На Днестровской круче, где военная дорога, петляя между серыми скалами, осторожно сползает к реке, где колонны грузовиков сворачивают в прибрежный лесок, ожидая очереди на переправу, услышал я интересный солдатский разговор.

К костру, на котором в закопченных котелках солдаты маршевой роты варили, по местному обычаю, мамалыгу, подошли двое, направлявшихся в тыловой госпиталь, раненых. Один высокий, дочерна загорелый, уже пожилой и усатый, с забинтованным плечом; другой с перевязанной рукой, тоже высокий, но стройный и тонкий, с веселым лицом и с чубом пшеничного цвета, лихо торчащим из-под кубанки. Раненым уступили лучшее место у костра, пригласили на мамалыгу, уже клокотавшую в котелке, а для паренька с поврежденной рукой заботливые пальцы ловко скрутили толстую папироску.

— Где ранены, ребята? — завел разговор сержант из маршевой роты.

— А там, за Днестром, — ответил чубатый. — Ох и всыпали же мы ему там! Он было уперся. Как же, неохота ему, сукину сыну, такие земли отдавать. Ну, мы ему и дали. Так дали, что, пока жив, помнить будет.

— М-да. Всыпали изрядно, — подтверждает скупой на слова усач, жадно глотая махорочный дым. — Вот досада, только ранили. Можно сказать, на самом интересном месте. Только мы наступать разогнались...

— Ну, а что там за народ, за Днестром? Какие они? — спросил сержант. И по тому, как сразу сдвинулись бойцы вокруг костра, как наклонились головы, стало ясно, что этот вопрос всех интересует, что войскам маршевой роты, шагающей на пополнение частей, сражающихся за Днестром, не терпится поскорее узнать о Молдавии и молдаванах.

— Народ? Что ж, народ ничего... хороший народ. Свой, советский, — задумчиво взвешивая слова, говорит усатый. — Они, бессарабцы, в нашей, можно сказать, семье только год прожили, и по всему чувствуем — родные, даром что по-русски не понимают. А уж как они нас ждали! Как встречают! Заночуешь у них, не знают, куда посадить. Все, что есть в избе, тащат на стол. Бедные они. Румын из них все выжал, да немец облупил, как липку, но с нашим бойцом последним куском поделаются, ведь что, скажи, — обижаются, если не берем.

— Когда наш полк Днестр форсировал, вон там, недалеко, направо, они что сделали, — прерывает рассказ молодой. — Ещё бой идет, положение, можно сказать, неопределенное. Врага от реки отшибли, а он от берега отошел, да на высотку, да оттуда из артиллерии шпарит. А у нас артиллерия еще на переправе, ответить нечем. Да. А они, эти бессарабцы-то, толпой нам навстречу, крестным ходом к берегу идут. Бабы, ребятишки и старики тоже. Яблоки, груши сухие нам в карманы суют. А враг

что? Он видит, что это мирные, да сверху по толпе осколочными. Ненавистно им, гадам, что нас эдак-то встречают. Несколько баб убило, попа ранило. У нашего эскадронного кровь загорелась, аж скулы заходили. Шашку вырвал, на стремяна встал. «За убитых, — кричит, — за баб, за ребятишек!» И понеслись мы ложиной. Холм — и тот обошли, да с тыла на батарею, как град с неба: «Ура!» Ну, в капусту, понятно. Ведь каждый только что видал, как они по мирным-то, осколочными. Разве это простишь?

— Эй, раненые! Машины на Уманы! — кричит с горьки регулировщица.

Раненые встают. Торопливо прощаются:

— Спасибо за компанию.

У костра некоторое время молчат, потом один маршевик, точно подводя итог беседе, задумчиво говорит:

— Вот, поди-ж ты, народ какой хороший. По-русски, вишь, не говорят, а как родные.

Под впечатлением рассказа раненого, который мне удалось записать почти дословно, особенно захотелось поскорее попасть за Днестр. Переправа повреждена серьезно. Начальник переправы любезно предлагает резиновую лодку.

Что ж, лодка так лодка. Но с лодкой выходит неприятность. Оба гребца сегодня ранены и отведены в госпиталь. И нас везут неопытные новички. Бурая, kloкочущая водоворотами полая вода Днестра на стремнине подхвывает лодку и несет ее вниз по течению все дальше и дальше от Ямполья, который скоро скрывается за скалистым обрывом. Этак, неровен час, и к немцам заплыть можно. Помогаем грести руками, досками сиденья. Наконец, преодолев стремнину, пристаем к самому подножью старинного средневекового здания, угрюмо повисшего над Днестром,

Молдавия. Город Сороки. Первый, кто нам встречается на берегу, — это партизанский патруль, помогающий сейчас наводить порядок коменданту.

У городка Сороки, на Днестре, на крутом скалистом берегу стоит старинный средневековый замок. Это к его подножью прибило нас сегодня течением.

По обветшалым, полуразрушенным лестницам, вделанным в толщу громадной стены, мы поднимаемся наверх, на одну из пяти круглых зубчатых башен. Целые груды размытого дождем известняка осыпаются из-под ног при каждом шаге. Летучие мыши, висающие, как маленькие мешочки, в темных углах, вспархивают от шума обвалов. Проход делается все уже, и уже, подконец мы карабкаемся почти на четвереньках; но вот наверху показывается голубой кусочек неба, и сквозь вековую затхлость повеяло свежим речным ветром. Еще усилие — и мы на башенной площадке замка, высоко над Днестром.

На несколько мгновений невольно застываешь в неподвижности, — так хорош открывающийся отсюда вид, так прекрасен Днестр, огибающий замок величавой извилиной, так чисто и глубоко весеннее небо, распростертое над рекой и прибрежными садами.

Учитель средней школы, Андрей Корец, недавний партизан, рассказывает историю старого замка. Его построил герой молдавского народа, Стефан Великий. Интересно, что этот замок, надуманный и построенный в свое время как крепость для защиты верховьев Днестра от турецких и татарских набегов, сейчас, в последние годы оккупации Молдавии, служил убежищем молдавским партизанам. Отлично зная расположение замковых помещений, его тайники и ходы, партизаны держали в нем оружие, устраивали здесь свои сборы, скрывались в нем от преследования.

— Неужели вас здесь ни разу не накрывали? — спросил я.

Учитель усмехается:

— Среди молдаван не нашлось предателя, который бы нас выдал. Если бы такой предатель и был, он побоялся бы это сделать, потому что каждый знал, что с нами шутки плохи. И у нас было столько доброжелателей, что они нас всегда заблаговременно предупреждали о всех намерениях румынских жандармов.

Учитель рассказывает: страх оккупантов перед молдавскими партизанами был настолько велик, что в ряде районов было приказано возле дорог вырубить на километр в обе стороны леса, сады, виноградники. В некоторых селениях немцы и румыны рисковали показываться только днем.

Теплый весенний ветер веет над Днестром. Андрей Корец вдыхает полной грудью весенний воздух:

— Весна! Для нас, молдаван, это особая, счастливая весна, — говорит он. — Весна возвращения к жизни!

Вечером учитель знакомит нас с Женеьевой Давыдовой Петреску, молдаванкой-учительницей.

Женеьева Давыдовна тихо улыбается.

Последний месяц в школе, где она преподавала, расположилась немецкая саперная часть, одна из тех, каким было приказано в кратчайший срок восстановить укрепления на берегу Днестра и сделать Правобережье неприступным. В один день маленькая, уютная школа была превращена в хлев. Во дворе солдаты устроили тир и забавлялись, стреляя в портреты знаменитых людей, снятые со стен школы.

Днем за горой в ущельи солдаты рыли укрепления, создавая сильную артиллерийскую позицию, своеобразную огневую засаду-ловушку, в которую должны были бы попасть наши части, форсировав Днестр здесь, в самом удобном месте.

И вот за два дня до прихода наших частей маленькая учительница, прокравшись ночью мимо патрулей, зажгла школу, в которой спала немецкая солдатня.

К рассвету патруль нашей воинской части, стоявший против Сорок, подобрал на левом берегу реки девушку в бессознательном состоянии. Когда ее привели в себя и отогрели, она рассказала о немецкой ловушке, которая строилась за Днестром, и дала ценные показания для части, уже начинавшей форсирование реки. Это была Женевьева Давыдовна Петреску.

При нас к ней пришли школьники. Черномазые мальчуганы и смуглые босые девочки, они не сказали при нас ни слова и только молча теснились у ее постели. Но видно было, что они любят свою маленькую учительницу.

Здание военных казарм, самое большое в Сороках, отвели под лагерь военнопленных. Но и оно оказалось тесным. За три дня боев взяты в плен тысячи. Новые и новые партии продолжают прибывать. Комендант лагеря хватается за голову: хоть бы подождали сдаваться, куда я их всех дену.

Войска маршала Конева продвинулись уже в глубь Молдавии, взяли город Флорешты, крупнейший в Бессарабии железнодорожный узел Бельцы, широким фронтом прорываются к Пруту.

Хотя дороги все больше и больше чаливаются весенней грязью, хотя реки вздулись и вышли из берегов, хотя по мере отхода на юг немецкое командование все чаще предпринимает попытки оторваться от наших войск и выбрасывает нам наперерез все более крупные арьергарды, наши части неудержимо продвигаются вперед. Как воды великой разлившейся реки, они смывают все

препоны, очищая огромное пространство от грязи и мусора, накопившихся за зиму.

Не сегодня — завтра наши войска выйдут на Прут — государственную границу СССР.

Хотя пели уже утренние петухи, маршал еще не ложился. Он сидел, как обычно, за своим столом над картой, в застегнутом на все пуговицы кителе. Лицо у него было спокойное, как всегда, но что-то неуловимо торжественное было в самой тишине, царившей у него в кабинете.

— Наши войска вышли на Прут — государственную границу нашей родины. Вам это известно?—спросил он.

Карандашом показал на карте три пункта, где это произошло.

Он сидит над своей рабочей картой такой же спокойный и деловой, каким я видел его и в крохотной, до крыш занесенной снегом избушке под Калинином, и в земляной норе под Ржевом, в трех километрах от линии боя, и в памятное утро взятия Харькова; таким же спокойным видят его солдаты и на передовых в часы самых тяжелых сражений, когда маршал-солдат неожиданно появляется среди них.

Он называет фамилии командиров, наиболее отличившихся в этой исторической операции, советует побывать у танкистов генерал-полковника Богданова, которые первыми прорвались к Пруту, поговорить с пехотинцами генерал-лейтенанта Коротаева, уже захватившими на Пруте большой плацдарм в районе города Скулянь.

— Торопитесь. Дан приказ форсировать Прут.

Когда перелетаем Днестр, как и тогда на Днестре, я с воздуха вижу всю мощь преодоленных нами днестровских укреплений на обоих берегах. Тут и сплошные линии окопов, и каменные казематы, и бетонированные пулеметные гнезда, разбросанные в пойме, и даже доты, замаскированные в прибрежных скалах. В отличие от

днепровского «Восточного вала», здесь имеется двойная линия, идущая по обоим берегам.

Между высокими, крутыми берегами течет Прут, медленно извивающийся в своем глинистом ложе и ослепительно сверкающий в лучах полуденного солнца.

Вот она перед нами, долгожданная и желанная граница моей великой родины.

Здесь огонь войны перенесен за рубеж родной земли.

Начальник штаба танкового соединения генерала Богданова знакомит меня с обстоятельствами перехода границы здесь, у села Баронешты. По приказу маршала, граница была перейдена с ходу. Бой за нее был напряженным, но продолжался всего около двух часов.

— Разве до войны кто-нибудь предполагал, что танкисты будут форсировать такие реки?—говорит генерал.

Мне дают автоматчиков. С ними спешу к переправе через границу.

С каким волнением переезжали мы через Северный Донец в районе Белгорода в начале этого наступления! Эта маленькая река была рубежом, отделявшим наши войска от немцев, и, переходя его, бойцы и офицеры с волнением, почти физически ощущали, что переступают рубеж. Об этом мне приходилось слышать от многих.

Прошло всего восемь месяцев. Восемь месяцев беспрепятственного наступления. За спиной остались тысячи километров освобожденной территории. Мы перешагнули Мжу и Ворсклу, Днепр и Ингул, Буг и Днестр. Форсирование великих водных преград, еще недавно представлявшее собой военное событие, стало обычным ратным делом. И тем не менее с каким-то особым волнением стою я сейчас на взгорьи, над широко разлившимся Прутом, у околицы села Баронешты.

Это тоже рубеж. На этот раз это не фронтовой рубеж, отделяющий наши войска от неприятельских. Это рубеж советской земли.

Мост в Баронештах еще не наведен. Пока мы ждем паром, я узнаю от очевидцев о том, что произошло здесь несколько часов тому назад.

С непрерывными боями, быстро продвигаясь от Днестра и стремительностью своей не давая врагу остановиться, подвижные части, поддержанные танками и самоходной артиллерией, нанесли остаткам немецких и румынских дивизий, попробовавшим упереться у местечка Рышкановка, еще одно поражение. От Рышкановки вражеские части были отброшены на Прут к деревням Баронешты, Костешты, Думяны. Здесь, у баронештской переправы, немецкое командование с помощью танков и пушек, подвезенных из-за Прута, и нескольких эсэсовских частей, подтянутых с Балкан, сделало еще попытку остановить свои бегущие части и организовать оборону переправ. Эсэсовцы стреляли из автоматов в бегущие толпы, останавливали их. Тут же наспех сколачивали из них роты, батальоны, а офицеры вели эти части на северные высоты, окружающие подступы к реке. Были начаты земляные работы.

Окончить их врагу не было суждено. Танкисты генерала Богданова вырвались здесь к реке так стремительно, что немецко-румынские войска, сбитые со своих новых позиций, сразу же покатались к переправам.

Наши части атаковали переправы, и штурмовые саперы «под шумок» боя захватили на берегу лодки, баркасы, плоты и, хотя бой еще продолжался, начали переправу. Пехота снова взялась за подручные средства, как это было на Днестре. Бойцы бросали в Прут бочки, доски, пучки камыша, двери и ворота — все, что могло плыть, погружали на эти немудрые подручные средства переправы автомат, диски, шинель, сапоги, входили в воду и, подталкивая рукой эти своеобразные поплавки, пересекали медлительную реку.

Таким образом в первые часы боя за Прутом были захвачены плацдармы. Было к чему причаливать паромам и

лодкам. Соскакывая с них, бойцы тут же начинали окапываться. Плацдармы расширялись, углублялись, а к утру удалось навести уже более устойчивые переправы. Скоро в балках, в камышистой пойме Прута, скопилось достаточно сил для того, чтобы начать продвижение в глубь Румынии.

Но вот, наконец, и наш паром, состоящий из нескольких неуклюжих румынских понтонов. Вместе с конвоем и с артиллеристами, перетаскивающими на тот берег небольшую пушку, медленно переплываем сверкающий Прут.

Но река тиха. Неколебима ее зеркальная гладь. Из-за камышей несется лягушачья воркотня, и если бы не непрерывный, то нарастающий, то отдаляющийся гул вражеских самолетов да гром канонады, в существование войны нельзя было бы и поверить.

Кажется, что паром идет слишком медленно. Скорее бы вступить на землю врага. Пехотинцы берутся за стальной трос и начинают быстро перехватывать его руками. Всех охватывает чувство нетерпения. Не дожидаясь, пока паром вплотную подвалит к берегу, бойцы прыгают на влажную песчаную отмель и, разбрызгивая воду, бегут на берег.

— Румыния! — кричит озорной автоматчик.

Русская земля осталась за рекой. Мы в Румынии, на вражеском берегу.

Здесь все хранит следы недавнего жаркого боя.

До заката обходим пешком почти весь, пока еще небольшой, кусочек занятой нашими войсками румынской земли.

Узенькие дороги, на которых не разъедутся две машины. Маленькие и большие деревни, беспорядочно рассыпанные по холмам. Узкие путаные улицы, на которых меж ветхих заборов с трудом разминутся две коровы. Приземистые домики с террасками, расписанные синькой и киноварью. Продолговатые, похожие на гигантские улья, хранилища кукурузы во дворах. Распятая в цинко-

вых футлярах над въездами в деревню, на перекрестках улиц, у колодца. Аисты, солидно стоящие на одной ноге у своих гнезд. Все это похоже, пожалуй, на молдавские села. Печать бедности, какого-то обветшания лежит на всех румынских селениях.

Здесь Карпаты. Невысокие зеленые горы все теснее и теснее сдвигаются здесь, и на горизонте уже видны синюющие в чистом весеннем воздухе настоящие скалистые хребты.

Сегодня в дивизии, куда мы прилетели, — торжество, по случаю которого из полков, стоящих в Карпатах, съехались герои последнего наступления. Вечером придет командующий армии, чтобы вручить награды за последние бои, проведенные уже на румынской земле. Меня знакомят с одним из самых интересных героев этого нашего нового наступления.

Он высок и толст, не молод, рябоват, и только внимательный взгляд его умных серых глаз да две медали «За отвагу», орден «Славы» и четыре нашивки за ранение, украшающие его совершенно побелевшую на солнце гимнастерку, обличают в этом солдате человека необыкновенного.

Действительно, старший сержант Тимофей Косолапкин — человек необычный. В саперной роте все — от капитана до кашевара — величают его: «Герой семи рек». С начала наступления у Белгорода, служа в саперной роте, он участвовал в форсировании семи рек, являвшихся сильными рубежами немецкой обороны, — Северного Донца, Ворсклы, Днестра, Южного Буга, Днестра, Прута и Серета, не считая таких речек, как Мжа, Ингулец, Гнилой Тикач. Я нашел Косолапкина в садике. Над головами гудели пчелы, купаясь в розовой пене цветущих абрикосов. Трофейным «золингеновским», отточенным до бритвенной остроты, ножом Косолапкин ловко выстругивал из чурки ложку.

Познакомившись и узнав, чем я интересуюсь, он, продолжая строгать, спокойным голосом рассказал свою историю.

— Сам-то я столяр, вологодский родом, и родители мои по крестьянскому делу занимаются, в колхозе. От беспокойства характера всю матушку Россию объездил. А тут — война. Призвали и говорят: будешь ты сапером. Есть, говорю, сапером, хотя, по совести, меня это сначала маленько обидело. Как же это, думаю, так? Все, кто с винтовкой, кто с автоматом, кто при пушке, а я, пожалуйста, сапер! Это я так думал, а теперь-то я, товарищ майор, понимаю, что такое есть сапер и сколь глупы были те мои тогдашние рассуждения.

Ведь сапер-то — он везде впереди части. Пехота — она еще только обойму в патронник загоняет и штык прилагивает, а сапер уж через минное поле к врагу ползет, с толом, с кусачками, со штурмовым ножом. Вы спрашивали, почему меня «Героем семи рек» зовут? Верно, зовут так в роте. Верно, я через эти семь рек переправу стелил. Однако ж и другие бойцы маршала нашего, Конева Ивана Степановича-то, семь рек переходили, стало быть, и они герон.

Косолапкин помолчал, посмотрел на ложку, которую он почти кончил, подумал и стал вырезать на черепке какие-то узоры.

— Устав говорит, что преодоление водных преград — самое трудное в наступлении. Правильно! С рекой шутики плохи. Но я считаю, коли солдат смел, а генерал умен, никакая река им нипочем. Первая речка, через которую мы перемахнули, — Северный Донец. Речка не слишком чтобы широкая, не слишком чтобы быстрая. Дело не в ней самой, а в том, что немец за ней год сидел, укрепился. Но вот начали наши артиллерийскую подготовку. И что тут было! Гром! Огонь! Кажется, у немцев на том берегу земля дыбом встала. Осели они на дне окопов, а тем временем мы под снарядами бревна носим, сван забива-

ем, настил стелем. И наши и их снаряды над головами летят. Мы строим. В голове одно: поспеть бы, не опоздать. И вот поспели. До срока поспели. Еще подготовка не кончена, а мост и плоты уже готовы. Наши пушки еще палят, а передовые батальоны уже по мосту побежали, и в передние немецкие траншеи ворвались, и штыковой боё завязали.

А еще запомнился из переправ мне Днепр. Эта река не шуточная. Шестьсот метров.

Наша саперная рота с передовыми полками к Днепру подошла, а имущество наше — понтонные лодки, баркасы, моторные паромы — все это в дороге отстало. Ждать, чай, сутки мало, а тут каждая минута дорога. Переправу надо наводить. Материал нужен. Где взять? Тут нам рыбацки помогли. Достали в камышах свои челны. Мы их вместе по пять, по шесть челнов навязали, тесом накрыли — вот и паром. Штук шестнадцать таких паромов сделали. Погрузили на них пехоту, боеприпасы, даже пушки маленькие — и на шестах на ту сторону. По четыре, по пять рейсов за ночь самодельные-то наши паромы сделали. Больше двух полков со всем имуществом переправили, а утром, на рассвете, когда сон у людей особенно крепок, наши, скопившись в камышах, на немцев как опрокинутся, точно гром с ясного неба. Вот клочок земли за Днепром и в наших руках, мы уже паромную бечевку за берег зацепили, и настоящий паром ходить начал...

Да-а. Ну что же, еще стоит вам, пожалуй, про Серет рассказать. Эта вот самая иностранная река: нам, саперам, работы дала, хотя и не больно она широка и против Днепра или, скажем, Днестра много уже будет. Тут, на Серете, маршал наш, Конев Иван Степанович, такую нам тактику дал, чтобы, пока основные части ведут с румынами бои, передовые группы, а с ними мы, штурмовые саперы, шли бы в реку, в тыл, и захватили переправы. Хорошо. Так мы и сделали. И тут вот подвел нас Серет. Началось в горах таяние снега, вздулся он, поднялся, да

переправу-то эту самую, — а румыны ее на живую нитку построили, — и смыл. И остался взвод автоматчиков да мы — человек двенадцать саперов под моей командой, на этой вот, на вражеской стороне, отрезанные рекой и прижатые к берегу. Да-а.

Ну на той стороне все разыгралось как по писанному: Отступил враг к реке, видит — пути ему дальше нет, отрезан. А наши жмут. Тут немцы — кто вплавь, ударился, да потонул, кто в бою погиб, кто руки поднял. Однако нам-то не легче. У нас земли — пятачок, и самих нас — горстка. Подошли с Карпат свежие румынские части, на нас жмут. Видят, нас всего горстка, а за спиной Серет точно взбесился, вздулся, водоворотами пошел, бревна, как спички, на нем прыгают, все смывает. Боеприпасы нам с самолета сбросили. Но сколько же можно держать? Людей у нас все меньше и меньше становится. Таем мы, как снежок на печке. Единственная нам выручка — построить переправу.

Привязал я к поясу телефонную проволоку, к ней канат — и в реку. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Как уж доплыл, не знаю. У румын тут такая стрельба поднялась, что по реке точно град шел. Однако доплыл. За проволоку канат перетасчили, ну, а дальше дело легкое. Паромы пошли, подвезли подкрепление.

Вот, пожалуй, и все, и больше мне рассказывать вам нечего. А это вам, товарищ майор, на память о Румынии и о сержанте Тимофее Косолапкине, которого зовут «Героем семи рек».

Он протянул мне мастерски выструганную ложку, украшенную выпуклой звездой и перекрещивающимися винтовкой и шашкой.

Мы ехали с командиром полка, майором Макаровым, к нему, на самую западную точку нашего наступления. Сегодня утром его передовые батальоны обходным маневром заняли две горы и он перенес свой командный

пункт в стены старого румынского монастыря, стоящего на горе над пропастью.

Дорога то шла лощиной, вдоль каменистого русла ручья, то начинала петлями подниматься вверх, и машина входила в зеленый, тенистый тоннель. Верхушки деревьев смыкались над дорогой. Воздух здесь, в горах, был свеж и чист, пахло влажной, разогретой солнцем землей, молодым нежным листом и какими-то белыми цветами, покрывавшими сплошь деревья. Изредка то наверху, то внизу мелькали хижины, стадо лохматых овец, старый пастух в высокой барашковой шапке с торчащим доньшком, в белой длинной рубахе, в меховой душегрейке.

Пастух провожал взглядом машину и продолжал стоять, опираясь подбородком о длинную, расщепленную на конце палку.

— Карпаты, — сказал шофер.

— Да, Карпаты, — задумчиво повторил майор.

«Карпаты. Уже Карпаты», — подумал я и вдруг со всей силой, почти физически, ощутил огромность того боевого пути, который мы прошли за эти восемь месяцев почти непрерывного наступления от русского города Белгорода через всю Украину, через Молдавию, через три уезда Румынии, сюда, в эти горы.

Какая дорога! Какой тяжелый и славный боевой путь!

— Карпаты... — сказал опять задумчиво майор Макаров.

— Карпаты... — повторил я.

В это время где-то позади и выше нас, где располагалась охрана штаба, затренькала балалайка. Немного погодя, и где-то совсем уже вдальеке, три голоса согласно запели украинскую песню, слова которой таяли в вечерней тишине, и только припев долетал до нас:

Ой ты Галю, Галю молоденька...

— Далеко забрались... — говорит майор. — А знаете, я с Белгорода уже три пары сапог износил. Честное слово.

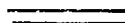

Точно горели на ногах сапоги, как наступали.— Он подумал и добавил весело: — А сколько еще нам идти!

Из-за горы медленно, тихо и осторожно, точно голова разведчика, высывалась багровая луна, и Карпатские горы снова выступили из ночной мглы. Те же три голоса так же согласно пели теперь песню о Стеньке Разине.

Русская песня звучит над Карпатским хребтом.

2-й Украинский фронт.

Цена 1 руб. 75 коп.